

РОССИЙСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ

итоги 2007 г. — перспективы 2008 г.

Ежемесячный аналитический бюллетень

Выпуск № 10 (20)
(декабрь 2007 г. — январь 2008 г.)

Научный эксперт
Москва
2008

Российские политические практики. Ежемесячный аналитический бюллетень: Выпуск № 10 (20) (декабрь 2007 г. — январь 2008 г.). М.: Научный эксперт, 2008. — 80 с.

Издание предназначено для политиков, руководителей органов государственной власти, научных сотрудников, работников корпораций, аналитических центров, промышленных ассоциаций и союзов.

© Научный эксперт, 2008

Содержание

Внешняя политика

Западный вектор: время утраченных иллюзий	7
Проблема договоренностей в области международной безопасности	10
Развертывание элементов американской системы ПРО в Европе	13
Косово	17
Россия — ЕС	21
Между «сдерживанием» России... и признанием	25

Восточный и южный векторы:

диверсификация по-русски	30
Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР)	30
Ближний Восток	32
Южная Европа	34
Центральная Азия	36
Каспийский регион	38

Внутренняя политика 42 |

Духовное возрождение России: мифы и реальность	42
Партийная жизнь: пагубная самонадеянность социальной инженерии	46

Политические элиты 60 |

Проблема-2008	60
---------------------	----

Экономическая политика 65 |

Российский фондовый рынок на фоне мирового финансового кризиса	65
Дедолларизация экономики	69
Инфляция	72
Промышленная политика	75

В ЭТОМ ВЫПУСКЕ:

- В минувшем году, по общему признанию наблюдателей, градус напряженности в полемике Москвы с ведущими западными державами достиг максимальных значений. Новая внешнеполитическая линия Кремля, сформулированная в мюнхенской речи, и последовательно реализуемая на протяжении всего минувшего года, основывается на не высказанной вслух идее о том, что Россия, в силу причин объективно-исторического и геополитического порядка, по сути не может иметь друзей.
- Список уже традиционных взаимных претензий и спорных вопросов во взаимоотношениях России с Западом в 2007 г. пополнился качественно новыми линиями противостояния. Выступив против ряда стержневых договоренностей в области безопасности между Востоком и Западом, заключенных в период холодной войны, Москва ясно дала понять, что время «игры в одни ворота» прошло.
- Вопрос развертывания в Европе, в непосредственной близости от границ России, элементов т. н. третьего позиционного района американской системы противоракетной обороны (ПРО) стал одним из основных камней преткновения в российско-американских отношениях в минувшем году. В конечном итоге ключевым моментом внешнеполитического послания Москвы остается мысль о бесперспективности создания международной системы безопасности, в том числе противоракетной обороны, без активного участия России.
- Россия и в минувшем, и в наступающем году будет использовать ситуацию вокруг Косова для того, чтобы получить тактическое преимущество в рамках своей стратегии по восстановлению влияния в мире. И собственные интересы здесь намного весомее, чем фантомные эмоции Белграда, в отношении «братских чувств» которого в Москве, похоже, ни у кого уже не осталось иллюзий.
- Развитие событий на европейском направлении российской внешней политики дает основания говорить о формировании предельно прагматичной, лишенной иллюзий с чьей бы то ни было стороны модели взаимоотношений, опирающейся на базовые факторы взаимозависимости. И уже в силу этого достаточно устойчивой, чтобы функционировать параллельно и независимо по отношению к институциональному изменению российско-европейских отношений.
- Разнообразные усилия по внешнеполитическому «сдерживанию» и изоляции России в минувшем году оказались в значительной мере обесценены несомненными успехами России на международной арене, получившими публичное признание. В ряду таких успехов можно выделить XI Международный экономический форум в Санкт-Петербурге, победу горо-

да Сочи в соревновании за право принять XXII зимнюю Олимпиаду 2014 г. и признание Владимира Путина «человеком года» журнала «Тайм».

- Активизация «восточного вектора» российской внешней политики в условиях нарастающего дефицита энергоресурсов не вызывает на Западе восторга. Ослабление усилий Кремля в западном направлении — это во многом результат большого взаимного разочарования, накопившегося за последние годы, обусловленного в конечном счете нежеланием Запада признать в России равноценного партнера.
- Если в начале года у многих наблюдателей могло создаться впечатление, что Россия готова, на тех или иных условиях, «сдать» Иран, то к концу года акценты начинают меняться. В Кремле почувствовали, что США не в состоянии в настоящее время нанести по Ирану удар, равно как и самостоятельно (без участия Москвы) урегулировать кризис вокруг иранской ядерной программы.
- События минувшего года убедительно продемонстрировали, что одной из основных движущих сил духовного возрождения страны является Русская православная церковь. Воссоединение двух частей Русской православной церкви — Московского патриархата и Русской православной церкви за границей (РПЦЗ) — следует признать наиболее значимым событием года в духовной сфере, вызвавшим широкий резонанс не только в российском обществе, но и в мире.
- Попытки искусственно форсировать процесс формирования консолидированной национальной идеи, сформировать его инструментами мифотворчества и информационных технологий представляются не только преждевременными, но и пагубными. Примером подобного мифотворчества является усиленно формируемая «традиция» нового «красного дня календаря» — Дня народного единства.
- Эксперименты в области партийного строительства (очевидно, к недоумению их вдохновителей и организаторов) продемонстрировали, как стремительно могут разгораться страсти внутри властных групп и сколь бескомпромиссной может быть их борьба в условиях, когда личные амбиции и интересы власть предержащих заслоняют интересы государственные.
- Добросовестно отработывая кремлевский заказ, «Справедливая Россия» настолько увлеклась имитацией «реальной политической борьбы», что сама, похоже, поверила в серьезность своих намерений и даже убедила в этом некоторую часть региональной политической элиты. В итоге конструкция «двух партий власти» была признана ошибочной.
- Решение президента возглавить избирательный список «Единой России» положило начало радикальной перекройке партийно-политической системы, в которой в последние годы скрупулезно культивировали элементы (псевдо) конкуренции. По сути, партийная система окончательно

приобретает характер искусственно «доминантной», в которой, при формальной многопартийности, все остальные партии не имеют даже гипотетического шанса участвовать в дележе пирога власти.

- Итоги парламентской избирательной кампании, кажется, даже у самых терпеливых и «договороспособных» представителей внепарламентской оппозиции не оставили сомнений в том, что их отсутствие в Думе не является случайным стечением обстоятельств.
- На протяжении всего минувшего года сохранялась главная политическая интрига, связанная с кандидатурой преемника. При этом каждый раз, когда у наблюдателей начинало складываться ощущение, что «выбор» уже сделан, президент предпринимал очередной ход, путающий все планы и вносящий дополнительную интригу в предвыборную кампанию.
- Финальная «победа» Дмитрия Медведева в конкурсе преемников, с учетом формируемой сегодня архитектуры политической власти в стране, не вносит в сложившуюся картину каких-либо принципиальных нюансов.
- Уходящий год прошел под знаком мирового финансового кризиса, связанного с проблемами в американском секторе ипотечного кредитования, вызвавшими кризис ликвидности и доверия. Дальнейшие перспективы российского рынка на этом направлении, вопреки позиции А. Кудрина, весьма дискуссионны.
- Даже на фоне широко критикуемой многими экспертами и участниками рынка политики ЦБ по сдерживанию инфляции ценой укрепления национальной валюты резкий рост инфляции, совершенно не вписывающийся в благостные прогнозы Минэкономразвития, стал едва ли не главным экономическим событием 2007 г., совпавшим с началом предвыборной кампании.
- Самым большим разочарованием года можно считать несостоявшиеся надежды на решительный поворот, объявленный, пожалуй, впервые за последние 15 лет, — к комплексной промышленной политике.

Внешняя политика

Усилия международной дипломатии, направленные на решение наиболее острых и взрывоопасных проблем мировой политики (иракской, иранской, палестино-израильской, косовской и др.) за минувший год не увенчались заметными успехами, продемонстрировав тупиковый характер ситуаций в их существующем формате, заданном основными заинтересованными сторонами. Мизерные результаты масштабных миротворческих усилий свидетельствуют о том, что конфликтный потенциал основных горячих точек отнюдь не исчерпан. Осознание этого обстоятельства подталкивает ведущих игроков на поиски самостоятельных, односторонних вариантов действий, зачастую несущих в себе еще больший потенциал дестабилизации, в сравнении с исходными проблемами, которые такие действия призваны решить.

В ситуации уже очевидного кризиса «постхолодной» модели мироустройства Россия получила дополнительные возможности для дальнейшего наращивания своего внешнеполитического веса.

Западный вектор: время утраченных иллюзий

В 2006 г. вновь окрепшая Россия самоутверждалась преимущественно в пространстве ближнего зарубежья, несколько неуклюже и запоздало пытаясь приучить соседей к мысли о том, что времена дешевых энергоносителей закончились. В нынешнем году Москва поигрывает мускулами на куда более широком фронте, бросая вызов США и Евросоюзу по различным вопросам — от противоракетной обороны и Косова до деятельности наблюдателей на выборах.

Внешнеполитический сезон — 2007, вопреки календарю, начался в феврале, когда Владимир Путин в Мюнхене бросил в лицо онемевшей от неожиданности западной политической

элиты слова, вдвойне обидные от того, что на самом деле возразить было нечем: «Отдельные нормы, да, по сути, чуть ли не вся система права одного государства, прежде всего, конечно, Соединенных Штатов, перешагнула свои национальные границы во всех сферах: и в экономике, и в политике, и в гуманитарной сфере — и навязывается другим государствам. Войн, локальных и региональных конфликтов меньше не стало. И людей в этих конфликтах гибнет не меньше, а даже больше, чем раньше. Сегодня мы наблюдаем почти ничем не сдерживаемое, гипертрофированное применение силы.»

«Если у кого-то еще оставались какие-то сомнения, что Россия вернулась на международную арену в качестве серьезного игрока, то эти сомнения, безусловно, были развеяны после речи Путина в Мюнхене...» — подобного рода высказывания стали лейтмотивом зарубежных комментариев на российскую тематику на протяжении всего минувшего года.

РПП: наш вывод-прогноз

Новая внешнеполитическая линия Кремля, сформулированная в мюнхенской речи и последовательно реализуемая на протяжении всего минувшего года, основывается на не высказанной вслух идее о том, что Россия, в силу причин объективно-исторического и геополитического порядка, по сути не может иметь друзей; ни одной из великих держав не нужна сильная Россия, которая в этом случае станет их мощным конкурентом, и многие желали бы видеть ее слабым государством, чтобы ей можно было помыкать и манипулировать. Таким образом, перед Россией стоит выбор: либо смириться с положением «подчиненного», либо вернуть себе статус великой державы, заняв тем самым принадлежащее ей по праву место в мире.

США и Европа могут сколько угодно выражать протест по поводу подобных перемен в российской внешней политике; от этого ничего не изменится. Они должны признать, что условия взаимодействия России с Западом, выработанные 17 лет назад, в период распада СССР, и не претерпевшие особых изменений до сегодняшнего дня, не соответствуют радикально изменив-

шейся реальности. Прежняя парадигма безвозвратно ушла в прошлое, и пора приступать к выработке новой.

В минувшем году, по общему признанию наблюдателей, градус напряженности в полемике Москвы с ведущими западными державами достиг максимальных значений. Дежурные дипломатические инвективы присутствовали в российском внешнеполитическом лексиконе и в былые времена (будь то в ответ на очередное расширение НАТО или бомбежки Югославии), однако дальше слов дело не шло, что давало аналитикам веские основания связывать подобные инциденты с решением по преимуществу внутривнутриполитических задач. Однако на этот раз за громкими словами последовали не менее конкретные дела.

Восстановление стратегических сил сдерживания — один из ключевых элементов претензии России на статус мировой державы. В минувшем году приоритетный статус приобрела модернизация российского военного арсенала, с учетом всех трех компонентов ядерной триады. Первый — ракеты с ядерными боеголовками. 18 октября Владимир Путин объявил, что Россия разрабатывает новые типы ядерного оружия, и назвал эту программу «грандиозной». Россия уже провела запуски новых межконтинентальных баллистических ракет. А в сентябре были проведены испытания самой мощной в мире вакуумной бомбы, прозванной «отцом всех бомб».

Второй элемент стратегической триады — создающиеся и модернизирующиеся атомные подлодки. 2 июня российская подлодка произвела запуск межконтинентальной баллистической ракеты, чтобы продемонстрировать ее возможности. Также Россия ищет пути расширения своих военно-морских зон, начиная со стартовавшего 3 августа проекта по созданию военно-морских баз в Средиземном море, прежде всего в Сирии.

Третий элемент триады — стратегические бомбардировщики. С 17 августа было возобновлено прерванное с 1992 г. стратегическое воздушное патрулирование акватории мирового океана бомбардировщиками, способными нести ядерные заряды на борту.

Впрочем, как вскоре выяснилось, ресурс стратегического сдерживания, доставшийся еще в наследство от СССР, не может эксплуатироваться бесконечно. Так, в связи с возобновлени-

ем постоянного боевого дежурства авиации остро встал вопрос о ремонте и обслуживании авиадвигателей ракетноносцев. Однако из-за прекращения их серийного производства в начале 1990-х гг. и развала производственной кооперации возникли труднопреодолимые задачи: нет людей, знакомых с уникальными технологиями, не работает оборудование ряда ключевых производств, имеются проблемы даже с производственными помещениями. Между тем без скорейшего решения этих задач, по оценке специалистов, ресурс двигателей на ракетноносцах Ту-160 может быть исчерпан уже через 2–3 месяца активной эксплуатации.

Курс на восстановление боеспособности стратегических сил и их модернизацию требует комплексных, системных решений, которые не могут быть подменены одной лишь политической волей.

Не остались без внимания политического руководства страны и силы «невидимого фронта». 19 августа Путин заявил, что СВР, внешняя разведка России, наследница КГБ, является ключевым институтом для международного влияния России. Американская и британская разведки подтвердили, что российская шпионская активность на Западе вернулась к уровню холодной войны.

Все эти шаги вызывают вполне предсказуемую реакцию западных наблюдателей. «Купающаяся в миллиардах нефтедолларов и идущая к выборам Россия становится с каждым днем все более требовательной и воинственной. Возобновляя патрулирование воздушного пространства над Северным морем или активизируя разведывательную деятельность на нашей земле, Россия пытается убедить нас, что она снова становится мировым игроком», — пишет британская *Sunday Times*.

Проблема договоренностей в области международной безопасности

В минувшем году список уже традиционных взаимных претензий и спорных вопросов во взаимоотношениях России

с Западом пополнился качественно новыми линиями противостояния. В восприятии западных партнеров Москва, выступив против ряда стержневых договоренностей в области безопасности между Востоком и Западом, заключенных в период холодной войны, посягнула на «святое».

В декабре Россия выходит из Договора об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ) — соглашения, ограничивающего размещение войск в Европе, — на том основании, что он так и не был ратифицирован западными странами. Москва также оспаривает договор о РСМД (ракетах малой и средней дальности) от 1987 г., который предусматривал уничтожение баллистических и крылатых ракет наземного базирования с дальностью от 500 до 5500 км. Впрочем, эта потенциально острая тема придерживается российскими военными и дипломатами в качестве карты, которая еще только может быть введена в игру, однако потенциально она способна осложнить обсуждение еще более значимого соглашения — договора СНВ (стратегических наступательных вооружений), ограничивающего вооружения большой дальности, заканчивающегося в 2009 г.

Россия неоднократно предупреждала Запад, что может пойти на изменение своей позиции. Одним из первых о возможности выхода из ДОВСЕ заявил еще 24 января 2006 г. Сергей Иванов, на тот момент министр обороны РФ. Апрельское заявление Владимира Путина, содержащееся в его восьмом послании Федеральному собранию, в свою очередь, для многих стало очевидным продолжением его «мюнхенской речи». В мае на пресс-конференции, которая состоялась во время его визита в Грецию, Владимир Путин сказал, что испытание Россией новых ракет и возможность выхода из ДОВСЕ — это ответ на односторонние, жесткие и необоснованные действия партнеров России, в том числе их выход из договора по противоракетной обороне и размещение ее элементов в Европе. Наконец, в июле был подписан указ о моратории на исполнение Россией ДОВСЕ и связанных с ним международных договоров. Было подчеркнуто, что это решение носит вынужденный характер, а когда государства — участники этого договора примут решение о его адаптации, тогда можно будет вернуться к этому вопросу и возобновить действие приостановленного сегодня Договора

об обычных вооруженных силах в Европе. С правовой точки зрения, решение России основывается на Венской конвенции 1969 г., пункте первом статьи 37-й Закона о международных договорах Российской Федерации.

Таким образом, принятое в итоге решение нельзя считать импульсивным и непродуманным, оно готовилось в течение всего минувшего года, сопровождалось информационной поддержкой и не должно было стать сюрпризом для заинтересованных сторон. С точки зрения международного права, все формальности со стороны России также соблюдены. Однако вопрос о том, учтены ли при этом все возможные последствия и риски, остается открытым.

РПП: наш вывод-прогноз

Приостановление Россией действия ДОВСЕ вполне вписывается в тенденцию, начало которой положили США, когда в 2001 г. вышли из заключенного в 1972 г. Договора об ограничении систем противоракетной обороны, а в 2002 г. заявили об одностороннем выходе из Договора об ограничении стратегических наступательных вооружений (ОСВ-2). Этот шаг развязал руки правительству Буша для создания противоракетного щита — проекта, который в случае успеха может сделать США практически неуязвимыми и в плане военных действий открывает для них качественно новые возможности. Россия объявила об асимметричном ответе, и если ей в этом будут мешать старые договоренности, то, скорее всего, в дальнейшем Москва все чаще станет следовать примеру Вашингтона. Вместе с тем, «следуя примеру» Вашингтона, не играет ли Москва по чужому сценарию?

Сегодня МИД России называет «вопиющим» превышение количества вооружений военно-политического союза НАТО в так называемом фланговом районе, включающем север и юг Европы. Так, США передислоцируют свой воинский контингент из Германии в Болгарию и Румынию. Уже сегодня в области обычных вооружений Россия уступает даже не всему блоку НАТО, а отдельным странам, таким как Турция на Черном море или Швеция на Балтике.

В то же время малоизвестным для российской аудитории остается то обстоятельство, что на сегодняшний день ни одна страна, входящая в ДОВСЕ, не выбирает свои квоты ни по одному из пяти ограничиваемых договором классов вооружения и военной техники. Россия очень недовольна ограничениями, которые налагает на нее ДОВСЕ, однако при этом не выбирает даже ту квоту, которая ей положена. Если Россия выйдет из ДОВСЕ, то страны НАТО при желании смогут нарастить количество обычных вооружений до необходимых размеров, обеспечивающих «потенциал для внезапного нападения». Может ли Россия противопоставить этому собственный адекватный потенциал, и если может, то почему не воспользовалась до сих пор даже теми возможностями, которые заложены в механизм ДОВСЕ?

Развертывание элементов американской системы ПРО в Европе

Вопрос развертывания в Европе, в непосредственной близости от границ России элементов т. н. третьего позиционного района американской системы противоракетной обороны стал одним из основных камней преткновения в российско-американских отношениях в минувшем году. При этом Москва предпринимает активные усилия к тому, чтобы по возможности максимально интернационализировать ситуацию, стремясь придать ей масштаб кризиса международной системы безопасности в целом.

Между тем вся совокупность факторов — реальные, а не вычерченные по линейке на карте траектории полета ракет, эффективность перехвата ракет вблизи их стартовых позиций, степень надежности американских противоракетных технологий, — свидетельствует о том, что компоненты американской системы ПРО не представляют и в обозримой перспективе не будут представлять реальной угрозы для российского ракетно-ядерного потенциала как инструмента сдерживания. Из этого можно сделать вывод, что аргументы российской стороны

против размещения американских ПРО в Восточной Европе рассчитаны не на политиков (и тем более не на военных), а на широкую общественность как внутри страны, так и (прежде всего) за ее пределами.

На тот же пиар-эффект, как нам представляется, рассчитаны и разнообразные высказывания российских официальных лиц по поводу возможных последствий размещения американских систем ПРО в Европе: от перенацеливания ракет на страны Восточной Европы до выхода из Договора о ракетах средней и меньшей дальности.

Если рассматривать эти заявления с российской стороны как элементы планомерной и согласованной информационно-психологической кампании, следует признать последнюю достаточно эффективной. Реакция «целевых аудиторий» — европейской общественности и политических элит — оказалась достаточно оперативной и предсказуемой, одновременно подтвердив ожидания того, что выбранная Москвой линия поведения произвела запланированный эффект неожиданности. Не имея по сути реальных рычагов воздействия на ситуацию, российской стороне удалось извлечь максимально возможную выгоду из спорной ситуации, оставляя за противной стороной возможность оправдываться, приводя сложные технические аргументы, заведомо не воспринимаемые большинством слушателей.

РПП: наш вывод-прогноз

Между тем суть вопроса, как нетрудно догадаться, лежит вовсе не в военно-стратегической, а в политической сфере, образуемой взаимоотношениями в треугольнике Россия — ЕС — США. Россия заинтересована в том, чтобы, используя спорную тему ПРО, усилить противоречия между Старой и Новой Европой, укрепив свои позиции во взаимоотношениях с западноевропейскими партнерами. Парадоксальным образом раскол Европы соответствует и интересам США, стремящимся, в свою очередь, укрепить позиции в Восточной Европе, пристегнуть их (говоря языком политических обозревателей старой школы) к колеснице своей внешней политики. Сильный ЕС, занимающий согласованные позиции по ключевым вопросам мировой политики, объек-

тивно не отвечает сегодня интересам ни России, ни США. В итоге европейское единство оказывается сегодня основной жертвой «кризиса» вокруг размещения американских ПРО.

Следует также отметить, что косвенным образом кризис отражается и на настроениях внутри НАТО. В ряде европейских столиц обратили внимание на то, что планы «экспорта» американской ПРО обговариваются в обход НАТО, на двусторонней основе с отдельными правительствами. Это не может импонировать европейцам, настаивающим на союзнических консультациях. Ряд западноевропейских, прежде всего германских, политиков и экспертов уже не скрывают того, что односторонние действия Белого дома в вопросе ПРО «несовместимы» с трансатлантическим партнерством.

В самих Польше и Чехии далеко не все политические силы готовы согласиться с новыми объектами Пентагона. После прихода к власти в Польше по итогам последних парламентских выборов новых политических сил появились признаки изменения позиции польского руководства к этому острому вопросу.

Акцентируя двусторонний формат решения проблемы противоракетной обороны, Москва стремится повысить свой внешнеполитический статус как ключевого партнера за столом переговоров по всему кругу проблем международной безопасности, одновременно пытаясь понизить значимость новых стран — членов НАТО в механизме принятия стратегических решений. Тот факт, что визиты в Москву для ключевых фигур американской внешней политики в последнее время превращаются в своеобразный регулярный ритуал, недвусмысленно свидетельствует о том, что в Вашингтоне признают правомерность претензий Москвы на роль ключевого партнера за столом переговоров по всему кругу проблем международной безопасности. Вместе с тем напористый стиль, избранный Владимиром Путиным в области российско-американских взаимоотношений, не оставляет надежды на то, что одно лишь символическое принятие предложенных Кремлем «правил игры» позволит Белому дому снять напряженность по ключевым проблемам внешнеполитической повестки дня.

РПП: наш вывод-прогноз

Общий итог российско-американских консультаций оставляет впечатление, что Вашингтон сегодня не готов выйти на новый формат взаимоотношений с Москвой, позволяющий преодолеть фундаментальную проблему недоверия, в том числе в отношении планов создания глобальной системы ПРО. Очевидно и то, что сколь-нибудь заметные подвижки в этом отношении следует ожидать только после смены власти в Белом доме, когда США постепенно начнут выбираться из постиракского синдрома, переосмысливая прежнюю, провальную концепцию глобального лидерства. Россия же, в свою очередь, преодолеет упоение своей новой силой, особенно острое после прежней слабости. Главное при этом — не наделать новых ошибок, не дать втянуть себя в спираль конфронтации, создать системные условия для выхода из клинча почти тотального непонимания и подозрительности, возобладавшему в последнее время.

В то же время, выстраивая двусторонний формат диалога по вопросам международной безопасности, Москве не стоит оставлять за скобками интересы собственных партнеров: Китая, Индии, Казахстана. Выдвигая одну за другой сенсационные инициативы, предполагающие координацию усилий России и США в обеспечении международной безопасности, Москва тем самым посылает Пекину, Дели, Астане и др. весьма двусмысленный сигнал, заставляющий усомниться в искренности российской «восточной политики». Следует серьезно взвесить все возникающие в этой связи внешнеполитические риски, чтобы с таким трудом достигнутые в последние годы успехи на восточном направлении не оказались принесены в жертву гипотетическим выгодам российско-американского партнерства.

В том, что подобные сценарии просчитываются в Вашингтоне, сомневаться не приходится. Высказываются предположения, что вся история с размещением американских ПРО в Европе изначально и была задумана с целью оторвать Россию от ее восточных и южных партнеров.

Очевидно, что и в наступившем году, не имея возможности предотвратить размещение американских ПРО в Восточной

Европе как таковое, Россия будет отыгрывать эту карту в напряженном торге с западными партнерами по широкому кругу вопросов внешнеполитической тематики. В конечном итоге ключевым моментом внешнеполитического послания Москвы остается мысль о бесперспективности создания международной системы безопасности, в том числе противоракетной обороны, без активного участия России.

Косово

Спор о ракетах развивался одновременно с другими спорами между Востоком и Западом, в особенности из-за Косова, где дипломатический конфликт приближается к апогею.

На Западе спор вокруг будущего Косова воспринимается в первую очередь сквозь призму «продвижения демократии» под флагом НАТО, как испытание на прочность постхолодной стратегии глобального доминирования. Для ЕС это еще и ключевой тест на способность «расширенного» союза проводить согласованную внешнеполитическую линию, возможность продемонстрировать внутреннее единство. Европейские политические элиты в последние годы крайне болезненно переживают многократно продемонстрированную неспособность выработать единую позицию по ключевым внешнеполитическим проблемам, в первую очередь в области взаимоотношений с Россией. Возможность поставить Россию на место, продемонстрировав, «кто в доме хозяин», дорогого стоит.

Для США успех на косовском направлении мог бы стать едва ли не единственным положительным внешнеполитическим достижением, которое уходящая республиканская администрация Дж. Буша еще может успеть записать в свой актив. Это также удобный повод оказать моральное давление на отдельные европейские страны, занимающие неоднозначные (другими словами, недостаточно проамериканские) позиции по широкому кругу внешнеполитических вопросов.

Неудивительно, что, сделав столь высокие ставки в игре, Запад на протяжении всего минувшего года осуществлял беспрецедентное давление на Москву в пользу принятия плана,

предоставляющего автономному краю Косово «контролируемый суверенитет». Суть западного месседжа в адрес российского руководства весной 2007 г. предельно четко сформулировал в статье, опубликованной в *Washington Post*, Ричард Холбрук — американский дипломат, разработавший Дейтонские соглашения, положившие конец войне в Боснии. Автор подчеркивает: «На кону безопасность и стабильность Европы, а также отношения России с Западом.... Сегодня готовится важнейшее испытание отношений России с Западом, и то, разгорится ли в Европе новая война, может зависеть от действий России». Холбрук одним из первых озвучил то, о чем многие и так догадывались: если Россия заблокирует принятие западного плана урегулирования, Косово все равно провозгласит независимость — и американцы «вероятно» ее признают. Речь идет не о том, обретет ли Косово независимость, а о том, будет ли этот процесс «управляемым» или нет. Вашингтон шлет Москве сигнал: заблокировав план Ахтисаари, Москва понесет ответственность за хаос, который последует за этим, а кроме того, подвергнутся пересмотру другие аспекты ее отношений с Западом.

После того как Россия ясно дала понять, что не намерена идти на поводу у западных партнеров по вопросу предоставления независимости Косову (в частности, в ходе июньского саммита G8 в Хайлигендамме), западные партнеры решили сменить тактику. Суть нового подхода сводится к двум моментам: а) фактическому игнорированию России в процессе выработки новых инициатив и б) стремлению расколоть альянс России и Сербии с помощью политики кнута и пряника.

Так, 12 июня в Париже участники так называемой контактной группы провели заседание по Косову без участия России. Официальный представитель МИД упрекнул стороны в «келейных дискуссиях» и предположил, что готовятся «односторонние сценарии косовской независимости». Между тем стало известно, что переговорный процесс о вступлении Сербии в Евросоюз, замороженный в мае 2006 г., вновь возобновляется. Примечательно, что речь о возобновлении переговоров зашла сразу после того, как Россия и Сербия выступили с критикой предложенного США и ЕС варианта решения косовской проблемы. Впрочем, в ЕС настаивают, что возобновление перегово-

воров о принятии в Союз Сербии никак не связано с вопросом Косова и позицией России. Однако эксперты не сомневаются: ЕС пытается купить у сербов косовскую независимость.

РПП: наш вывод-прогноз

Несмотря на жесткий тон и демонстративную решимость идти в косовском вопросе до конца, западные посредники в минувшем году так и не решились на односторонние действия, идущие вразрез с позицией Москвы и Белграда. Во многом такой итог связан с неудавшейся попыткой поляризации ситуации и информационно-политической изоляции России в качестве якобы единственного препятствия на пути окончательного разрешения застарелой международной проблемы. Казалось бы, «казус Косова» с самого начала давал удобный повод для пропагандистской поляризации сторон, мобилизации тех, кто «выбирает свободу», против пособников этнократического авторитаризма и тирании. Однако проблема в том, что первоначальная, столь благоприятная для западных «посредников» морально-политическая диспозиция за годы, минувшие с момента перехода Косова под международный протекторат, принципиально изменилась.

С одной стороны, несмотря на увещевания сторонников плана Ахтисаари, в очередной раз убедительно продемонстрирована неспособность ЕС достичь единой позиции по вопросу Косова среди своих стран-членов. Испытание на прочность европейского единства вновь дало сбой. Между тем именно декларируемая «однозначность позиции мирового сообщества» по вопросу предоставления независимости Косову является краеугольным камнем всей стратегии западных «посредников», в том числе в плане оказания давления на Россию.

Немаловажно и то, что демонизация Сербии, столь необходимая для выстраивания целостной идейно-политической концепции предоставления автономному краю Косово независимости по западным сценариям, сегодня объективно ограничена соображениями политической ответственности западных спонсоров «цветных революций» за положение своих протезе на сербской внутривнутриполитической сцене. Собственно, именно это соображение и явилось решающим фактором последней в

минувшем году декабрьской отсрочки в принятии окончательного решения о будущем Косова. Магическая дата «10 декабря», которую многие ждали как некий «момент истины», пройдена. Решение проблемы на этот раз отодвинуто на весну 2008 г.

РПП: наш вывод-прогноз

Россия, в свою очередь, и в минувшем, и в наступающем году будет использовать ситуацию вокруг Косова для того, чтобы получить тактическое преимущество в рамках своей стратегии по восстановлению влияния в мире. И собственные интересы здесь намного весомее, чем фантомные эмоции Белграда, в отношении «братских чувств» которого в Москве, похоже, ни у кого уже не осталось иллюзий. Косово представляет сегодня одну из тех ключевых международных коллизий, ключи от разрешения которой Москва держит в своих руках. Внешнеполитические возможности, вытекающие из существующего положения, могут оказаться более весомыми в сравнении с гипотетическими перспективами апелляции к «косовскому прецеденту» в решении конфликтных ситуаций на пространстве бывшего СССР. Интерес России в этой ситуации видится нам в том, чтобы, не делая слишком серьезных ставок и не разменивая в этой игре другие, действительно принципиальные для нас позиции, дать западным «партнерам» возможность максимально приблизиться к той критической черте, за которую они на самом деле не готовы переступить. Нынешнее развитие событий вокруг Косова объективно играет на руку России, и здесь важно не поддаваться на провокации (которые наверняка последуют), не позволить спровоцировать себя на резкие движения, способные дать столь необходимые козыри в руки наших недоброжелателей. Не стоит забывать, что в стратегическом отношении Косово для нас представляет интерес в первую очередь как ресурс торга.

Россия — ЕС

В ситуации полной определенности, возникшей после мюнхенской речи Владимира Путина, взаимное раздражение сторон в течение минувшего года продолжало нарастать. Череда скандальных событий в двухсторонних отношениях (включая польский, эстонский, литовский и британский сюжеты) представляется лишь видимой верхушкой айсберга, в основании которого — глобальная конкуренция за энергоносители. Энергетический саммит в Варшаве и турне Владимира Путина по странам Центральной Азии (см. *Восточный и южный векторы*) обозначили пик этого противостояния. Москве удалось переиграть своих соседей, и Европа не скрывала своего раздражения.

Саммит Россия — ЕС, прошедший в Самаре 17–18 мая, продемонстрировал, как дружно отметили многие эксперты, охлаждение отношений между Россией и Евросоюзом до самой низкой точки за весь постсоветский период. Это стало совершенно очевидно и в ходе итоговой пресс-конференции, участники которой фактически признали, что старый, базировавшийся на демагогии об общеевропейском доме формат отношений полностью исчерпал себя.

Очевидно, Москва надеялась, что руководство ЕС убедит Польшу, Эстонию и Литву смягчить свои позиции и отказаться от блокирования нового соглашения о партнерстве и сотрудничестве между ЕС и Россией. Однако этого не произошло. Во время саммита в Самаре европейские лидеры ясно дали понять, что в экономических и политических конфликтах полностью поддерживают новых членов ЕС.

В сентябре стали известны основные положения проектов документов, подготовленных Еврокомиссией (ЕК) с целью ограничения доступа иностранных компаний в энергетический сектор стран — членов Евросоюза. Провозглашается приверженность «принципу взаимности»: в соответствии с этим принципом ЕС может ввести ограничения для государств, на рынках которых европейские страны сталкиваются с жесткими препятствиями для инвестиций.

В России предложения Еврокомиссии не без оснований воспринимают как протекционистские и противоречащие тому самому духу свободной конкуренции, приверженность которому выражают на Западе. Несмотря на декларации о либерализации рынков, европейские чиновники своими руками готовы разрушить построенные ими же иллюзии. Когда речь заходит об энергетической безопасности Евросоюза и диверсификации поставок энергоресурсов, в ход идут любые меры, в том числе и такие, которые к рыночным отнести довольно трудно. Столкнувшись с объективными трудностями в налаживании альтернативных маршрутов поставок энергоносителей на европейский рынок, а также в получении прямого доступа к месторождениям нефти и газа на территории России и других стран-экспортеров, ЕС готово ограничить растущее влияние традиционных поставщиков директивно.

Российское экспертное сообщество вполне единодушно оценивает озвученные предложения Еврокомиссии как откровенно антироссийские. В контексте взаимоотношений Россия — ЕС речь также (и даже в первую очередь) может идти об элементах торгова. «Заключение нового соглашения о партнерстве и сотрудничестве между ЕС и Россией может смягчить жесткие условия для российских инвестиций в европейскую энергетику», — заявил официальный представитель Еврокомиссии, комментируя возможное применение к Газпрому новых предложений Еврокомиссии по регулированию энергетического рынка ЕС.

Впрочем, к концу года климат во взаимоотношениях России и Европы начал меняться в лучшую сторону. Свидетельством этого стали два значимых события на высшем уровне, состоявшихся в октябре и определяющих характер взаимоотношений России и ЕС на ближайшую перспективу. При этом атмосфера обоих мероприятий — российско-германского форума в Висбадене (Германия) и саммита ЕС — Россия в Мафре (Португалия) — по оценке наблюдателей, отличалась в лучшую сторону от того, что мы наблюдали на подобных мероприятиях еще в начале года. В итоге был подтвержден стратегический характер отношений партнеров и наметились подвижки с документом, который заменит Соглашение о партнерстве и сотрудничестве.

Европейские участники хотели знать, планирует ли Россия ограничить иностранные инвестиции в ответ на возможные меры против российских вложений в Европе. «Институциональных решений, ограничивающих наши инвестиции в Европе, пока не создано, хотя это обсуждается, и само обсуждение наносит, конечно, вред сотрудничеству. Это очевидно. Предпринимать какие-то ответные шаги, по крайней мере в этих условиях, мы считаем нецелесообразным и вредным. Вредным не только для наших партнеров, но и для нас самих», — отметил Владимир Путин.

«Расставание со старыми клише дается нелегко, — комментирует итоги октябрьских событий зарубежная пресса. — Россия не столь слаба, как это порой кажется, и не столь сильна, как этого хотелось бы Кремлю. Западу, однако, не достает долговременной и надежной концепции, для того чтобы в основу стратегического сотрудничества положить взаимные интересы». Данный комментарий вполне уместен и в отношении общих итогов развития российско-европейских взаимоотношений в 2007 г.

РПП: наш вывод-прогноз

Какие выводы Россия должна сделать из событий минувшего года? Основной вывод, действительный по крайней мере на среднесрочную перспективу, выражается в том, что благоприятная конъюнктура российско-европейских взаимоотношений, которая была вызвана двумя факторами — американско-европейским противостоянием по вопросу Ирака, а также внутренним расколом в ЕС — уходит в прошлое.

Что касается американско-европейских противоречий образца 2003—2004 гг., то рассчитывать на их сохранение в качестве долгосрочного фактора было бы крайне наивно и опрометчиво, особенно теперь, накануне ухода республиканской Администрации из Белого дома и вполне прогнозируемой победы демократов в 2008 г. В Париже и Берлине понимают, что сейчас самое время налаживать подпорченные отношения с Вашингтоном. Американцы же, в свою очередь, заинтересованы в том, чтобы подорвать российско-европейские отношения, довести их до

конфликта. Скорее всего, это игра на многих фронтах, смысл которой — не допустить какого-либо значительного улучшения отношений России с любым стратегически значимым регионом мира, будь то Европа, Азиатско-Тихоокеанский регион, Ближний Восток или Латинская Америка.

Ситуация усугубляется и тем обстоятельством, что в результате последней волны расширения на Восток Европейский союз претерпел качественные изменения: благодаря новым членам — восточноевропейским государствам — взаимоотношения России с Европой уже не будут такими, как прежде. Страны Восточной Европы, движимые в своем отношении к России болезненными амбициями исторического реванша, апеллируют не только к европейским структурам, но и к США, а последние склонны поддерживать восточноевропейцев, хотя бы в пику странам Старой Европы (Франции и Германии). Последние же, наученные горьким опытом, боятся лишней раз «связываться» с американцами.

В то время как Европа видела себя в роли посредника между Вашингтоном и Москвой, Россия продемонстрировала твердое намерение решать вопросы глобальной повестки дня в двустороннем порядке. Европейский союз с его разобщенностью и слабостью воспринимается Москвой скорее как досадная помеха. Обидный для Брюсселя меседж читается вполне прозрачно: если европейцы будут продолжать культивировать свою разобщенность и слабость, вполне может случиться так, что Европа окажется на задних скамьях театра мировой политики.

РПП: наш вывод-прогноз

Позитивным моментом следует признать то, что отношения между Россией и Европой в минувшем году приобрели непривычно (с точки зрения традиций дипломатии) честный и недвусмысленный характер. Ставка Кремля на прагматизм и экономическую целесообразность во взаимоотношениях с Европой лишь высветила истинную природу позиций Брюсселя, прикрываемых до поры до времени общегуманитарной и демократической демагогией.

В целом развитие событий на европейском направлении российской внешней политики на сегодняшний день дает основания говорить о формировании предельно прагматичной, лишенной иллюзий с чьей бы то ни было стороны модели взаимоотношений, опирающейся на базовые факторы взаимозависимости. И уже в силу этого достаточно устойчивой, чтобы функционировать параллельно и независимо по отношению к институциональному измерению российско-европейских отношений. В подчеркнутом равнодушии Москвы к перспективе переговоров по новому базовому договору о сотрудничестве видится разочарование в сложившемся облике нынешнего, «расширенного» Европейского союза, раздираемого внутренними противоречиями и подверженного болезненным антироссийским комплексам и фобиям, исходящим от новых, восточноевропейских стран-членов. В этих условиях Москва предпочитает выстраивать свою европейскую политику в двухстороннем формате, игнорируя многоголосый Брюссель и предпочитая прямой диалог уже не только с политическим руководством Германии, Франции и других традиционных партнеров, но и с деловым сообществом этих стран.

Между «сдерживанием» России... и признанием

Ситуация с размещением элементов американской ПРО в Европе, ставка на одностороннее признание независимости Косова, заявление Э. Блэра о том, что он может призвать английские фирмы «минимизировать экономические отношения с Россией» — все это недвусмысленно свидетельствует о том, что Россия снова, как это было уже не раз и не два, в восприятии Запада превращается в угрозу, требующую сдерживания и «отбрасывания». Налицо политические попытки нового отторжения России: если не «отталкивания» ее в сторону «оси зла», то практически официальное лишение звания «партнера» Запада.

Беспрецедентное обострение российско-британских отношений в связи с «делом Литвиненко» и отказом России выдать

британским службам обвиняемого Андрея Лугового в указанном контексте явилось одним из наиболее ярких, знаковых внешнеполитических событий уходящего года.

Мистическим образом вход в тупик российско-британских отношений практически совпал по времени с выходом из международной изоляции Ливии. Взрыв бомбы на борту «Пан Ам» 21 декабря 1988 г., приведший к гибели 259 пассажиров и 11 жителей городка Локерби в свое время вызвал у Британии не только гнев на публичном и государственном уровне, но и неукротимое желание правовыми методами наказать преступников. Любая параллель некорректна, но она может дать ключ к пониманию характера действия сторон и возможность предвидеть эти действия. Россия — конечно, не Ливия, однако уже заметны некоторые формы организации «системного давления». Первое, что приходит в голову, — это мобилизация мирового общественного мнения для оказания давления на Москву. Одним из главных слоганов такой кампании может стать обвинение в «государственном терроризме». До сих пор на официальном уровне таких формулировок, как правило, избегали. Дело Лугового может стать спусковым крючком для реанимации этого обвинения и придания ему правового характера.

Дело между тем вовсе не в Луговом (которого отказывается выдавать Россия), и даже не в Березовском и Закаеве (которых отказывается выдавать Великобритания). Дело в том, что в результате разгоревшегося скандала власти Российской Федерации предстали в глазах западной общественности организаторами убийств за рубежом. Причем случай Литвиненко — это уже второй, ставший широко известным случай после Катара.

Сценарий, разыгрываемый Лондоном, вполне прозрачен и прямо обозначен в высказываниях представителей российской непримиримой оппозиции, кровно заинтересованной в подобном развитии событий: «У Запада есть мощное оружие, связанное с воздействием на счета российской элиты, которые находятся в западных странах. Вопрос, как далеко они готовы пойти, мне кажется, еще открытый. Если Запад покажет намерение в какой-то ситуации использовать эти рычаги — поведет себя совсем по-другому и российская власть» (Гарри Каспаров).

В этом же свете следует рассматривать нашумевшие публикации по поводу причастности ряда крупнейших российских банков и австрийского Райффайзенбанка к выводу за границу денег крупных российских чиновников накануне президентских выборов 2008 г. (включая средства на строительство Североевропейского газопровода (СЕГ))¹, а также по поводу «огромного личного богатства» Владимира Путина, контролирующего крупные пакеты акций российских энергетических компаний².

Публикации данного компромата, источники которого связаны с известным политологом Станиславом Белковским, достаточно прозрачно указывают на возможную направленность очередной волны антироссийской кампании в преддверии мартовских выборов 2008 г.

РПП: наш вывод-прогноз

Между тем разнообразные усилия по «сдерживанию» и изоляции России в минувшем году оказались в значительной мере обесценены несомненными успехами России на международной арене, получившими публичное признание. В ряду таких успехов можно выделить XI Международный экономический форум в Санкт-Петербурге, победу города Сочи в соревновании за право принять XXII зимнюю Олимпиаду 2014 г. и признание Владимира Путина «человеком года» журнала «Тайм».

Санкт-Петербургский экономический форум, состоявшийся в июне с. г., стал впечатляющей демонстрацией мирового интереса к российской экономике. Наблюдатели оказались практически единодушны в оценке того, что это мероприятие зримо засвидетельствовало растущий раскол между международными инвесторами, стремящимися получить приличные прибыли в России, и западными политиками, которые демонстрируют все большую озабоченность в связи с «судьбами демократии» в стране.

¹ *New Times*, май 2007.

² *Die Welt*, ноябрь 2007.

Выступив в качестве хозяина форума, Владимир Путин призвал радикальным образом пересмотреть состояние мировых финансовых и торговых институтов, с тем чтобы отразить рост экономической мощи стран с развивающимися рынками — в том числе России. По словам российского лидера, миру требуется новая международная финансовая архитектура, поскольку существующая модель стала «архаичной, недемократичной и неповоротливой».

РПП: наш вывод-прогноз

Заявления с российской стороны о необходимости реформирования международной финансово-экономической архитектуры заставляют зарубежных комментаторов предположить, что наряду с продолжающейся агрессивной кампанией против односторонней внешней политики США Москва выступает и против доминирования Запада в мировой экономической системе, артикулируя настроения, усиливающиеся в политических и деловых элитах новых индустриальных стран.

Победа России в соревновании за право принять зимнюю Олимпиаду 2014 г., в свою очередь, — один из немногих за последние годы позитивных эпизодов, однозначно квалифицирующий нас как силу, пользующуюся международным признанием и уважением. И вовсе не из страха, как часто приписывают нам в последнее время, перед «энергетическим шантажом» или бессилия перед доставшимся в наследство правом вето. «Сочи-2014» имеет шанс превратиться в масштабное международное мероприятие, которое сделает нашу страну более открытой внешнему миру, впишет ее в систему международных обязательств.

Вместе с тем победа Сочи имеет не только (и даже не столько) внешне-, сколько внутривнутриполитическое значение: она умножает исторические заслуги Путина как лидера страны, а также создает благодатную почву для укрепления электоральных позиций пропутинских сил. Проект «Сочи-2014» стал личным делом российского президента: рискнув собственным капиталом доверия и имиджем, он не побоялся «подставиться»

и прослыть неудачником. Ради чего? Так ли важна Олимпиада, как перевооружение или пенсии, или экономический рост?

Олимпиада-2014 — нечто гораздо большее, нежели просто спортивное событие, пусть и широко понимаемое вкупе с вросшими в него бизнесом и политикой. Если вдуматься, игры в Сочи — один из немногих наших реальных проектов, рассчитанных уже не на короткий, а как минимум на средний срок.

РПП: наш вывод-прогноз

Значение «олимпийского проекта» в том, что в российском общественно-политическом пространстве и времени впервые за последние десятилетия появляется некий метапроект, своего рода организующий ориентир, в идеале способный преодолеть логику сиюминутных соображений и амбиций, «электоральных циклов» и «переходных периодов». Формирующий коллективные усилия в масштабах уже не отдельных политических карьер и партийных проектов, но целого поколения. «Сочи-2014» ставит в повестку вопрос о несравнимо более масштабном, долгосрочном проекте: «Россия-2014». Понимание «цены вопроса» присутствует не только в России, но и за ее пределами, что, в свою очередь, актуализирует планы возможного противодействия и усилия по срыву сочинского проекта. Вместе с тем, вспоминая Олимпиаду «Москва-80» и понимая, что блокада России в случае решимости на нее Запада — это не фантазия, можно понять, что выигрыш права на зимнюю Олимпиаду в Сочи формирует еще одну точку уязвимости. После колоссальных затрат последует международный бойкот. В итоге — колоссальный экономический и имиджевый провал. Так что не надо забывать, что хорошо смеется в данном случае тот, кто до самой Олимпиады имеет возможность для политического демарша.

Восточный и южный векторы: диверсификация по-русски

Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР)

Даже отечественные эксперты признают, что военная мощь России, несмотря на позитивные сдвиги в последние годы, все еще остается слабым аргументом в пользу идеи возрождения страны в статусе великой державы. Даже после осуществленного в минувшем году значительного увеличения ассигнований оборонный бюджет России составляет около 5% от американского, и ей с трудом удастся финансировать хотя бы обновление устаревающих arsenалов советских времен, не говоря уж об их значительном наращивании.

С учетом сказанного, не вызывают удивления активизировавшиеся попытки Москвы обрести надежных военно-политических союзников в мире. Варшавский пакт ушел в небытие, и сегодня, согласно многочисленным прогнозам, ему на смену может прийти Шанхайская организация сотрудничества (ШОС).

Уже сегодня ШОС объединяет страны с совокупным населением, равным 1,5 млрд человек. Активно стремящиеся к вступлению в организацию Иран, Пакистан и Монголия могут прибавить еще 233 млн человек. Если присоединится Индия, численность ШОС может достичь 2,6 млрд человек. С учетом стремительно растущего экономического потенциала названных стран становится понятным, почему первые внешнеполитические шаги этой молодой международной организации вызывают столь пристальное внимание со стороны заинтересованных наблюдателей.

17 августа Россия и Китай провели крупнейшие совместные учения, в которых приняли участие 7,5 тыс. солдат. Военные учения проходили в Чебаркуле, в России, и продемонстрировали глубокое стремление впечатлить остальной мир.

Второе направление проецирования российских национальных интересов в регионе — контакты по линии Азиатско-Тихоокеанского экономического содружества (АТЭС). Итоги

сентябрьского турне российского президента по странам АТР и участия в юбилейном саммите АТЭС в Сиднее расцениваются наблюдателями как шаги по восстановлению влияния России в этом регионе, глобальная роль которого в последние десятилетия неуклонно повышается. АТЭС имеет все основания претендовать на глобальную роль в современном мире: мощное финансово-экономическое сообщество, ориентированное на наукоемкие и высокотехнологичные производства. На азиатские страны приходится около 25% мирового ВВП и товарного экспорта, а также более 40% мировых золотовалютных резервов. В настоящее время на азиатское пространство направляется свыше 40% мировых инвестиционных потоков.

РПП: наш вывод-прогноз

Безусловно, Россия была и остается великой тихоокеанской державой. В первую очередь в военно-политическом плане. Однако ее политика в регионе долгое время никак не соответствовала этому статусу. В наши дни российская дипломатия ставит перед собой амбициозную цель — обеспечить России роль связующего моста между Востоком и Западом. Средством ее достижения должен стать многовекторный характер внешней политики России, в которой европейское и азиатское направления будут взаимно дополнять друг друга в интересах укрепления позиций страны на международной арене в целом. Понятно, что разворот России на Восток в условиях нарастающего дефицита энергоресурсов не вызывает на Западе восторга. Ослабление усилий Кремля в западном направлении — это во многом результат того большого взаимного разочарования, которое пережили друг в друге Россия и Европа в последние годы.

Российская сторона вновь подтвердила, что ее вклад в развитие АТЭС является полновесным и конструктивным, несмотря на то что при присоединении в 1997 г. России к этому форуму многие сомневались, что она должна быть его участником. То, что саммит 2012 г. будет проходить на территории России, подтвердившей свое право председательствовать в этой организации, является убедительным доказательством того, что она является одним из лидирующих участников АТЭС.

Ближний Восток

Активизация восточного вектора российской внешней политики, бесспорно, является очень конкретным подтверждением серьезности намерений, высказанных Владимиром Путиным в начале года в мюнхенской речи: Россия заявляет о себе как страна, окончательно вышедшая из фарватера американской политики, страна независимая, собирающая под свое крыло всех тех, кто недоволен современным мировым порядком.

Ближневосточное турне российского президента, состоявшееся в феврале, по оценке аналитиков, — действительно прорыв в отношениях стран Персидского залива с Россией. Намечаются перспективы альянса Саудовской Аравии, Катара и России — крупнейших экспортеров нефти и газа в мире.

В принципе, даже намеки на возможность подобного союза — вызов для Запада, крайне озабоченного проблемой использования энергоресурсов как инструментов политического давления. Долгое время существовало убеждение в том, что подобный альянс не может сложиться ни при каких обстоятельствах, в частности, из-за разногласий в отношении исламского фундаментализма и ваххабизма.

Однако со временем, по мере охлаждения отношений между Саудовской Аравией и США, чьи стратегические планы в отношении Большого Ближнего Востока уже явным образом противоречили интересам королевского дома саудитов, ситуация начала меняться качественным образом. Немалое значение для нормализации двухсторонних отношений имеет и постепенно меняющееся в лучшую сторону восприятие исламским миром положения дел в области обеспечения прав и свобод мусульманского меньшинства в России.

РПП: наш вывод-прогноз

Итоги поездки президента подтвердили, что Россия намерена использовать свое влияние в регионе Ближнего Востока для того, чтобы добиваться урегулирования сложившейся кризисной

ситуации. Россия является реальной силой в ближневосточной политике, будучи единственной страной, способной разговаривать со всеми сторонами в регионе, включая ХАМАС (Харакат аль-Мукавама аль-Исламия — движение исламского сопротивления), Хезболлу, Сирию и Иран. Роль России при этом видится в качестве инициатора создания и одного из ключевых участников системы региональной безопасности стран Персидского залива, о чем незадолго до визита президента заявил секретарь Совбеза РФ Игорь Иванов. Опираясь на поддержку членов Совета Безопасности ООН, Москва рассчитывает выработать «принципы равноправия» в этом регионе, тем самым закрепив эффект ослабления влияния США.

В апреле 2007 г. на форуме в Дохе экспортеры газа договорились о создании группы высокого уровня по ценообразованию. Координатором этой группы выступает Россия. Планы Москвы в области энергетической политики и более тесной координации ее действий со странами-экспортерами, прежде всего в области природного газа, не могут не вызывать озабоченности заинтересованных сторон.

Убедительным подтверждением такой озабоченности в минувшем году стало принятие Сенатом США поправки к Акту 2007 г. о чистой энергии, запрещающей суверенным государствам координировать действия в сфере нефти и газа. Текст поправки объявляет «незаконными и нарушающими требования настоящего акта... коллективные или иные совместные действия в форме картеля или иной ассоциации. со стороны любого зарубежного государства, инструмента или агента любого зарубежного правительства по ограничению добычи или распределения нефти, природного газа или другого нефтепродукта, по установлению или сохранению цен на нефть, природный газ или иной нефтепродукт, а также по любым ограничениям на торговлю нефтью, природным газом или другим нефтепродуктом». Из законопроекта следует, что любое государство, участвующее в принятии коллективных решений в сфере нефти и газа, будет теперь лишено возможности воспользоваться правом «суверенного иммунитета». Таким образом, американская прокуратура

получает право преследовать правительства независимых государств в судебном порядке на территории США в соответствии с американским антимонопольным законодательством.

Данная акция американских законодателей представляет собой убедительную иллюстрацию к словам Владимира Путина из его «мюнхенского выступления»: «Отдельные нормы, да, по сути, чуть ли не вся система права одного государства, прежде всего, конечно, Соединенных Штатов, перешагнула свои национальные границы во всех сферах: и в экономике, и в политике, и в гуманитарной сфере — и навязывается другим государствам.»

Южная Европа

В свою очередь, мартовское турне Владимира Путина по странам Южной Европы закрепило новые акценты во внешнеполитической линии Кремля, связанные с поиском путей диверсификации связей в условиях, когда прежние, по преимуществу североевропейские, проекты стратегического партнерства показали свою ненадежность.

Тема энергетики стала основной во время визита президента в Италию и Грецию. Центральным моментом поездки стало подписание лидерами России, Греции и Болгарии межправительственного соглашения о строительстве и эксплуатации трансбалканского трубопровода Бургас — Александруполис.

Уникальность проекта очевидна и определяется она прежде всего объективными обстоятельствами. Греко-болгаро-российский проект получает реализацию в тот момент, когда разгораются информационные войны вокруг поставок российских энергоносителей в Европу и дискуссии относительно зависимости от них последней. В минувшем году резко активизировалось политико-информационное давление Вашингтона и Брюсселя на центральноазиатские режимы с целью заставить их участвовать в альтернативных проектах трассировки энергоносителей из Азии, как существующих (Баку — Тбилиси — Джейхан), так и предполагаемых (Баку — Тбилиси — Эрзурум), куда пыта-

ются кооптировать Казахстан и Узбекистан. Существенно и то, что сегодня предпринимаются попытки дополнить военную доктрину НАТО «энергетической составляющей», т. е. превратить блок в «гаранта» энергобезопасности Запада (а по сути — в средство давления на Россию с целью ограничения ее естественных сырьевых преимуществ). Кроме того, события минувшего года убедительно продемонстрировали то обстоятельство, что практически все нынешние транзитеры российских энергоносителей являются либо нестабильными режимами, либо провоцируют сложности на пути реализации российской энергетической политики.

РПП: наш вывод-прогноз

Активизация российской энергетической политики на южно-европеском направлении — это сигнал, и сигнал, без всякого преувеличения, стратегический. Во-первых, это заявка о формировании новой схемы транспортировки энергоносителей с участием России в жестко конкурентном пространстве, которая имеет множество альтернатив и за которыми стоят комплексы национальных интересов крупнейших мировых энергоигроков. Во-вторых, это очередное подтверждение — вольное или невольное — раскола Европы по энергетическому вопросу. В-третьих, это сигнал некоторым азиатским союзникам России (например, Казахстану), что пора определяться, с кем они, в конце концов, будут вести «главную энергетическую партию» в формирующемся геополитическом раскладе сил.

Эффект реализации проекта «Бургас — Александропулис» располагается в энергетической, но еще более — в геостратегической сфере реализации российских интересов. Россия в данном случае не только «возвращается» на Балканы в самом привлекательном и полезном на сегодняшний день (энергетическом) качестве, но и частью приобретает (Греция), частью возвращает (Болгария) союзников.

Впрочем, обозначенные перспективы по итогам минувшего года так и не вышли за рамки аналитических прогнозов и ожиданий. Четко обозначенная политическая воля президента

в очередной раз завязла в рутине бюрократических проволочек, согласований и безответственности, ставя под угрозу намеченные сроки реализации стратегически значимого для страны проекта.

Центральная Азия

Аналогичный вывод можно сделать и по другому ключевому внешнеполитическому событию года: трехсторонней встрече президентов России, Туркмении и Казахстана, на которой ключевыми стали вопросы масштабного партнерства в энергетической области. Итогом переговоров явилось подписание Декларации о развитии газотранспортных систем Центральной Азии. Но главным, конечно, является то, что достигнута договоренность В. Путина, Н. Назарбаева и Г. Бердымухаммедова о строительстве Прикаспийского газопровода, который позволит развить мощности по транспортировке природного газа Казахстана и Туркмении. Газопровод пройдет по территориям этих двух стран к границам России.

РПП: наш вывод-прогноз

Если намерения политического трио реализуются, то можно будет говорить о формировании качественно нового вектора развития газопроводного хозяйства Центральноазиатского региона. Большим успехом российской дипломатии и лично Владимира Путина следует признать тот факт, что весь мир услышал слова президента Казахстана Н. Назарбаева о том, что вся нефть, добываемая в этой стране, будет экспортироваться на внешние рынки через территорию РФ. Реализация заявленных договоренностей, в случае успеха, позволит с уверенностью говорить о восстановлении на должном уровне геополитической роли России в регионе. Серьезный удар будет нанесен по планам Запада по-своему, «в обход» России, начертить схему транспортировки азиатских энергоносителей. Под большим вопросом окажется инвестиционная привлекательность альтернативного «транскаспийского»

трубопровода «Набукко», предлагаемого США и Европой. Судя по темпам проектирования и готовности инвесторов вкладываться в «Набукко», его привлекательность уже сегодня вызывает серьезные вопросы.

Реакция последних не заставила себя ждать: министр энергетики США Сэм Болдмэн прямо заявил, что заключенное соглашение между Россией, Казахстаном и Туркменией о строительстве газопровода вдоль побережья Каспия *«не пойдет на пользу Европе»*: «это бросит вызов тому, что нужно (Европе), т. е. диверсификации поставщиков». Вашингтон, по его словам, надеется, что Европа «должным образом» ответит на инициативу России, Туркмении и Казахстана.

Следует отметить, что лидеры Казахстана и Туркмении, заключив с российским президентом, на первый взгляд, заведомо неприемлемые для Запада соглашения, вовсе не сожгли все мосты, предусмотрительно оставив себе пространство для политических маневров.

Так, президент Туркмении уже не раз давал понять, что достижение договоренностей о строительстве Прикаспийского газопровода не снимает с повестки дня вопрос об участии Туркмении в возможном проекте Транскаспийского газопровода по дну Каспия в обход территории России. Назарбаев, в свою очередь, вряд ли желает возобновления расследования в США уголовного дела «Казахгейт» и не намерен сделать всю нынешнюю казахскую элиту невъездной в страны Запада. Для Назарбаева договоренности с Путиным — это и стремление лишней раз не раздражать российского президента в оставшееся до 2008 г. время, и элемент торга Казахстана с Западом. Где в этом торге расставлены красные флажки, Назарбаев чувствует прекрасно.

Скептически настроенные аналитики в этой связи обращают внимание на то, что намеченные сроки реализации заключенных договоренностей лежат за пределами мая 2008 г., когда Владимир Путин сложит свои президентские полномочия. Нельзя исключать и такой вариант, когда подписанные соглашения забудут уже на следующий день, после ухода нынешнего президента России из Кремля.

РПП: наш вывод-прогноз

К сожалению, поводы для пессимистичных прогнозов в отношении перспектив реализации названного проекта в избытке подает сама Москва. Профильные министерства и госкорпорации, имеющие прямое отношение к стратегическому проекту, демонстрируют завидную самоуспокоенность и неторопливость в его реализации, как если бы Центральная Азия до сих пор оставалась задворками единой империи. Между тем конкуренты не дремлют, и тот же Китай стахановскими темпами тянет ветки газопроводов в сторону туркменских и казахстанских месторождений. Без громких пиар-акций, заявлений о глобальном влиянии и эмоций по поводу культурно-исторических связей, планомерно и последовательно делает свое дело. Китайским товарищам остается только позавидовать: у них нет проблемы преемничества, их воля не парализована мучительным ожиданием итогов очередного электорального цикла.

Каспийский регион

Кризис вокруг иранской ядерной программы остается определяющим фактором российской внешней политики в данном направлении и в целом развития ситуации в регионе. Вместе с тем за минувший год положение дел на этом направлении претерпело существенные изменения.

В начале года на Западе начались разговоры о сближении позиций Вашингтона и Москвы на фоне полного пренебрежения Тегераном интересами теперь уже всех сторон, вовлеченных в переговорный процесс. Российские источники, в свою очередь, недвусмысленно выражали озабоченность линией Ирана на столкновение лбами Запада и России, при полном игнорировании со стороны Тегерана усилий Москвы по защите своих внешнеполитических интересов в увязке с поддержкой интересов своего южного соседа. При этом отмечалась некая раздвоенность позиции Москвы по иранскому вопросу: с одной стороны, Иран в последние годы рассматривается в качестве возможного союзника России в создании «альтернативного центра влияния»

на Соединенные Штаты, а с другой, российское руководство не может не беспокоить разработка Ираном ядерной военной программы. «Россия, как член Совбеза ООН и одна из немногих ядерных держав, не заинтересована в расширении конкуренции».

В итоге весной минувшего года проблемы российско-иранских переговоров по комплексу финансовых и прочих вопросов вокруг строительства и пуска Бушерской АЭС, которые поначалу воспринимались многими как некое недоразумение, приобрели черты полномасштабного политического кризиса во взаимоотношениях сторон. Россия устами Секретаря Совбеза Игоря Иванова оформила свои претензии к иранской стороне в виде политического ультиматума: если Тегеран незамедлительно не прекратит обогащать урановую руду, Москва оставляет за собой право прекратить поставки радиоактивного топлива для АЭС «Бушер». Так или иначе, Москва и Тегеран предпочли взять тайм-аут в переговорах, ожидая дальнейшего развития ситуации вокруг иранского ядерного досье.

Между тем по линии Совета Безопасности ООН Россия последовательно проводила позицию, не предполагающую применение силы в отношении Ирана. Как успех российской дипломатии был расценен текст резолюции от 24 марта, принятой по статье 41-й главы 7-й Устава ООН, в которой говорится об экономических мерах воздействия. В то же время новая резолюция, по сути, запускала обратный отсчет, отмеряющий время, оставшееся для дипломатического урегулирования кризиса: спустя 60 дней вопрос о применении военной силы логически входил в повестку Совета Безопасности ООН.

Однако к исходу первого полугодия ситуация изменилась. Не прекращая попыток вербовки сторонников третьей резолюции ООН о наложении на Иран более жестких санкций в связи с продолжением его ядерной программы, Администрация США попыталась перенести основной пропагандистский акцент на одно — и многосторонние санкции, рассчитывая в этом вопросе на своих союзников в Европе, в первую очередь на новое руководство Франции. Однако разногласия в политическом руководстве США и в американском обществе не позволяют сформулировать ясную и недвусмысленную позицию. Сторонники силового решения иранской проблемы, со своей стороны, не

оставляют попыток оказать давление на позиции своих противников как внутри страны, так и на мировой арене.

В сентябре в США была вновь (спустя полгода после предшествующего подобного обострения) предпринята серия информационных утечек, призванных сформировать ощущение неминуемости применения силы против Ирана. Есть основания предполагать, что речь шла о скоординированной информационно-пропагандистской акции, призванной оказать давление на колеблющихся европейских союзников США и подтолкнуть их к жестким, пусть и односторонним антииранским санкциям в качестве «меньшего зла» в сравнении с полномасштабной военной акцией, якобы неминуемой в случае бездействия мирового сообщества в отношении иранской ядерной программы.

Наконец, октябрьский визит Владимира Путина в Тегеран, формально приуроченный ко второму Саммиту каспийских государств, расставил точки над «i» в иранском вопросе. Если в начале года у многих наблюдателей, и в первую очередь у иранской стороны, могло создаться впечатление, что Россия готова, на тех или иных условиях, «сдать» Иран (предоставив США возможность втянуться в очередную пагубную авантюру), то к концу года акценты начинают меняться. Очевидно, в Кремле почувствовали, что США не в состоянии в настоящее время нанести по Ирану удар, равно как и самостоятельно (без участия Москвы) урегулировать кризис вокруг иранской ядерной программы.

РПП: наш вывод-прогноз

Сложились исключительно благоприятные условия для того, чтобы Москва могла выступить в роли миротворца. Вопрос о необходимости более активно задействовать дипломатический потенциал России в разрешении кризиса вокруг иранской ядерной программы был поднят в ходе переговоров российского президента с Николя Саркози (в Москве) и Ангелой Меркель (в Висбадене), состоявшихся незадолго до поездки в Тегеран.

Косвенным свидетельством признания резко усилившихся позиций России в решении иранского вопроса можно считать и неожиданный блиц-визит премьер-министра Израиля Эхуда Ольмерта в Москву сразу после возвращения Владимира Путина

из Тегерана. Этот факт красноречиво свидетельствует о том, что «ключи» от иранской проблемы сегодня находятся в Москве, и это признают даже такие верные союзники Вашингтона, как Израиль (готовые, возможно, начать «свою игру» с Москвой).

Наконец, под занавес уходящего года Вашингтон фактически вынужден был признать, что иранскую партию он проиграл. Сенсационный доклад Национальной разведки США прямо признает, что Иран свернул свою ядерную программу и не работает над изготовлением атомной бомбы, правда, продолжает заниматься обогащением урана.

Подобный поворот сюжета объясняется в первую очередь острой внутривнутриполитической борьбой в самом Вашингтоне. Демократическое большинство в Сенате призывает Белый дом пересмотреть политику относительно Ирана после обнародования разведанных. Однако администрация Буша надеется, что информация спецслужб не помешает принять третью резолюцию по иранскому вопросу в Совете Безопасности.

Одновременно американский демарш можно воспринимать как попытку девальвировать успехи российской дипломатии в разрешении кризиса вокруг иранской ядерной программы. Если бы усилия российской дипломатии привели к демилитаризации иранской ядерной программы и позволили установить эффективный международный контроль за ее ходом, внешнеполитические лавры заслуженно достались бы Владимиру Путину. Теперь же получается, что предмет демилитаризации как таковой отсутствует и кризиса никакого не было — так, одно недоразумение.

РПП: наш вывод-прогноз

И все же, вопреки «черному пиару» американской дипломатии, растущее осознание того, что российско-иранские взаимоотношения являются залогом стабильности — не только на Большом Ближнем Востоке, но и в Каспийском регионе, и шире, во всей Центральной Азии, — в наступившем году останется фактором, способствующим стратегическим подвижкам во внешнеполитических позициях ряда ключевых игроков региона. А значит, и фактором укрепления геополитических позиций России.

Внутренняя политика

Духовное возрождение России: мифы и реальность

События минувшего года убедительно продемонстрировали, что одной из основных движущих сил духовного возрождения страны является Русская православная церковь.

XI Всемирный русский народный собор, лейтмотивом которого стала социальная тематика, продемонстрировал обеспокоенности высшего духовенства РПЦ по поводу возможных новых социальных потрясений. «Преодоление вопиющего неравенства в России — это в первую очередь вопрос выживания нашей страны... если не произойдет заметных сдвигов в этом направлении, то в обозримом будущем случится какой-то надрыв в народной воле».

Вместе с тем, вопреки ожиданиям и комментариям критически настроенных СМИ, сформулированные участниками Собора ценностные альтернативы сформировавшемуся в России в последние десятилетия «дикому капитализму» не предполагают возврат к архаическим формам отношений, отказ от интеграции в современную динамичную экономическую среду. Напротив, «только модернизация страны может решить скопившиеся социальные и экономические проблемы общества. Потребность в ней вырастает из самой народной среды», — говорилось в программном выступлении митрополита Кирилла, сама форма и содержание которого не оставляет у слушателей сомнений в том, что Церковь способна держать руку на пульсе современной жизни и говорить с новыми поколениями на понятном им языке.

В то же время модернизация в России должна носить особый характер: она будет успешной только при условии не прямого заимствования западных моделей, а прочной опоры на «сформированный в течение столетий религиозно-культурный код, закваской которого являются религиозные традиции, в первую очередь православие».

Воссоединение двух частей Русской православной церкви — Московского патриархата и Русской православной церкви за границей (РПЦЗ), закрепленное подписанием акта «О каноническом общении» в московском храме Христа Спасителя, следует признать наиболее значимым событием года в духовной сфере, вызвавшим широкий резонанс не только в российском обществе, но и в мире.

Исторический масштаб этого события не вызывает сомнений. Попытки преодоления противостояния двух церквей, окончательно оформившегося к концу 1920-х гг., предпринимались неоднократно и в советский, и в постсоветский периоды. Однако лишь к началу нового тысячелетия окончательно сложились предпосылки, сделавшие возможным преодоление раскола. После того как в объединительном процессе принял активное участие президент Владимир Путин, он получил новый импульс. Тем не менее потребовались многолетние усилия на то, чтобы преодолеть последние препятствия.

Духовное и историческое значение этого события заключается в том, что воссоединение церквей означает и воссоединение русского общества, рассеянного по всему миру в лихолетье революции, гражданской войны и последующих репрессий. Речь идет в конечном итоге о преодолении целого комплекса разногласий, накопившихся не только между людьми, проживающими в России, и нашими соотечественниками, проживающими за рубежом, но и между различными идейными, политическими, духовными силами и течениями внутри страны. Другими словами, восстановление духовного единства является не только внутрицерковным делом, но и событием общенационального масштаба, символическим свидетельством окончания гражданской войны.

РПП: наш вывод-прогноз

Россия, преодолевшая духовный раскол, сильная и единая — это, помимо прочего, еще и глубоко личный и крайне значимый проект Владимира Путина, в реализацию которого он вложил немало сил и политической воли. В известном смысле процесс объединения Русской православной церкви, один из основных

этапов которого завершён в минувшем году, можно по праву считать символическим итогом восьми лет пребывания Владимира Путина у власти.

Что касается полного преодоления церковного раскола, то это процесс длительный, и пока можно сказать только одно: иерархи и паства двух расколотых частей русского православия осознали разделение как грех. И это осознание может стать основой для дальнейшего сближения. А это значит, что церемония, состоявшаяся в стенах храма Христа Спасителя, символизирует не окончание, а скорее начало долгого и непростого пути.

На этом пути ещё предстоит преодолеть множество препятствий, разногласий и взаимонепонимания, накопившихся за десятилетия раздельного существования. И если канонических расхождений между РПЦ и РПЦЗ как таковых нет, что в известном смысле упрощает процесс сближения двух церквей, то на первый план выходят проблемы политического характера. Критики РПЦ требуют от нее покаяния за сотрудничество с советским режимом, иные усматривают грех «неосергианства» и в «духовном соглашательстве» с «антинародной политикой» постсоветской мирской власти, «приводящей к распаду государства и демографическому кризису».

Сегодня эту линию политических по сути своей претензий поддерживают противники примирения, которые имеются как в самой России, так и за ее рубежами. Знаковым событием в этом отношении можно считать публикацию обращения епископа Анадырского и Чукотского Диомида «ко верным чадам Русской православной церкви», в котором выдвигается целый ряд резких обвинений в адрес Московской патриархии. Позиции и оценки, содержащиеся в обращении, расцененном многими как удар по процессу объединения церквей, одновременно демонстрируют активизацию консервативного крыла РПЦ, получающего серьезную идейную, а в ближайшем будущем и кадровую подпитку со стороны Православной церкви зарубежья. (Впрочем, усиление консервативных настроений сегодня характерно не только для православного мира, обозначая своего рода универсальную тенденцию религиозной жизни.)

РПП: наш вывод-прогноз

Полагаем, что даже не столько содержание и скандальные обстоятельства появления на свет обращения епископа Диомиды, сколько последовавшая за ним бурная и неоднозначная реакция в православном сообществе свидетельствуют о том, что не только в светской политической и интеллектуальной элите страны, но и в элите духовной продолжается борьба принципиальных идейных позиций и альтернатив, далекая от завершения. В этой ситуации говорить о формировании некоей консолидированной национальной идеи, одной из площадок выработки которой остается Всемирный русский народный собор, представляется на сегодняшний день преждевременным.

В свою очередь, попытки искусственно форсировать этот процесс, сформировать его инструментами мифотворчества и информационных технологий представляются не только преждевременными, но и пагубными. Примером подобного мифотворчества является усиленно формируемая «традиция» нового «красного дня календаря» — Дня народного единства. В этом году официальные празднования этой даты не только приобрели беспрецедентный масштаб, но и расставили новые актуальные акценты в политической жизни страны.

Какие бы цели (мнимые и явные) ни преследовали в свое время инициаторы внесения в календарь новой праздничной даты, они с неизбежностью оказались пленниками двусмысленности, заложенной в идеологему «смутного времени». Задуманная и реализованная уже под занавес борьбы с Гусинским, Березовским, Ходорковским и компанией концепция Дня народного единства в контексте разворачивающегося дискурса о «суверенной демократии», возможно, и несла в себе некоторое актуальное содержание и была широко востребована в узких кругах. Однако в итоге она с неизбежностью оказалась нагружена противоречивым и многослойным смысловым содержанием, имеющим в наши дни скорее дезориентирующее, нежели мобилизующее и объединяющее значение.

Не приходится удивляться тому, что каждый находит в новом «красном дне календаря» то, что хочет найти, в итоге

лишь умножая неопределенность и конфликтность, проникающие (в полном соответствии с закономерностями политической мифологии) в массовые настроения и тревожные ожидания, нависающие над хрупкими декорациями политической стабильности. Антиолигархическая тематика остается неотъемлемым элементом мобилизационной концепции как прокремлевских, так и антикремлевских политических движений, в диапазоне от «Молодой гвардии ЕР» до Национал-большевистской партии (НБП), при этом экстремистская сущность (присутствующая в скрытой форме в первом случае, и в явной форме во втором) побуждает и тех и других постоянно актуализировать образ внутреннего врага, искать все новые признаки продолжающейся смуты, не удовлетворяясь заложенным в концепцию Дня народного единства посылом о ее триумфальном окончании.

РПП: наш вывод-прогноз

Не стоит забывать и о том, что мифология «4 ноября» легко рифмуется с ксенофобскими в целом (а с учетом актуального политического контекста и антисемитскими, в частности) настроениями. Что, в свою очередь, неизбежно создает негативный оценочный фон и даже, в известной степени, прямую угрозу интересам части ныне правящей политической и экономической элиты. Постоянно воспроизводимые и множасьщиеся аллюзии «измены», затаившейся за кремлевскими стенами, порождают вполне «хунвейбинские» политические ожидания и логику «прямого действия», экстремистские по определению и способные при определенных обстоятельствах ударить рикошетом «по штабам».

Партийная жизнь: пагубная самонадеянность социальной инженерии

Если события, всколыхнувшие православное сообщество, приобрели поистине драматический масштаб, то альтернативные рецепты решения актуальных социальных проблем стра-

ны, предлагаемые различными политическими силами, оказались окрашены в отчетливо фарсовые тона.

Организаторы самого громкого партийно-политического проекта года, «Справедливой России», с самого старта взяли на вооружение стилистику постсоветского китча в духе «Старых песен о главном», призванного пробуждать у публики ностальгические воспоминания о «золотых семидесятих». «Мы объявляем новую социалистическую перспективу, — самонадеянно заявил лидер новой партии Сергей Миронов на первом внеочередном съезде, состоявшемся в феврале в Санкт-Петербурге, — мы пришли всерьез и надолго».

Что же побудило власть (не оппозицию же, в самом деле?) в лице третьего (по статусу) человека в стране спустя два десятка лет после начала перестройки наконец провозгласить, что «социализм себя не исчерпал»? Задачи борьбы с «монополизмом КПРФ на представительство интересов трудового народа» раскрывают только одну из граней ситуации. Политическая элита страны, по всей видимости, начинает осознавать всю меру хрупкости и неустойчивости той социально-экономической конструкции, которая была выстроена за минувшие годы. Однако сумма политических реакций в подобной ситуации всегда остается неизменной: в расколотом обществе, забывшем о том, что такое единство, появляется, к примеру, какая-нибудь организация с названием «Единая Россия». В системе, не ведающей о справедливости, неизбежно должна появиться какая-нибудь «Справедливая Россия» — и система получает фантомную стабильность: один политический симулякр уравнивает другой. И общая проблема решается не за счет реализации конкретных задач, а за счет равновесия, достигнутого самовнушением.

Дальнейшее развитие событий показало, что политическая «виртуальная реальность», в точном соответствии с мыслью Мануэла Кастельса, может оборачиваться «реальной виртуальностью», определяющей поведение «гомо политикуса». Правда, в направлении, прямо противоположном ожидаемому: вместо уравнивания и стабилизации мы получаем рост нестабильности и дисфункции.

Подобный эффект проявился уже на мартовских региональных выборах. В Республике Тыва конфликт приобрел очертания

полномасштабного политического кризиса, в который вынуждена была вмешаться Администрация президента. Провал «Единой России» в Ставропольском крае привел к тому, что впервые за последние годы едиnorоссы оказались на втором месте, да еще внушительно отстав от победителей-эсеров. Серьезные недоборы до плановых показателей в Коми, Вологодской, Ленинградской, Мурманской и Орловской областях удалось во многом компенсировать значительными успехами в Дагестане, Московской, Омской, Томской и Тюменской областях (что ожидалось экспертами), а также в Псковской области. Тем не менее тревожный сигнал был вполне отчетлив: в большинстве регионов, в частности в Ставропольском крае, Вологодской, Ленинградской, Мурманской и Самарской областях, Петербурге, «Справедливая Россия» не только собрала голоса «Родины» и Партии пенсионеров (РПП), но и отобрала их у едиnorоссов. Если учесть, что проект «СР» создавался в первую очередь с целью перехвата коммунистического электората, то результаты эсеров выглядели, по меньшей мере, двусмысленно на фоне одновременных успехов КПРФ.

Таким образом, уже мартовские выборы показали, что «Справедливая Россия» занимается не столько консолидацией протестного левого электората, сколько борется с «Единой Россией» за голоса «путинского большинства», одновременно актуализируя своими «перформансами» левую и просто протестную риторику. Чем, в свою очередь, воспользовалась КПРФ, и даже отчасти СПС.

Наиболее зримо эта тенденция проявилась на уровне городских администраций. Так, уже в мае ожесточенная битва за Волгоград между «Единой Россией» и «Справедливой Россией» привела к победе коммуниста. В Самарской области, Санкт-Петербурге, Томской области, не говоря уже про Ставропольский край, политическая борьба выходила далеко за рамки системной политики. Порой острота схватки, сопровождавшейся применением всего арсенала черных технологий, напоминала «золотые времена» 1990-х гг., по которым до сих пор тоскуют многие столичные политтехнологи, рынок услуг которых существенно съезжил за годы президентства Владимира Путина.

Убедительным свидетельством провала общей стратегии перекройки партийно-политического спектра в стране в минувшем году следует считать сохранение и даже некоторое укрепление позиций КПРФ.

Стремление отнять часть электората у левых и прежде всего у КПРФ — идея фикс российской власти, одна из немногих вневременных «ценностей», в отношении которых наблюдается трогательное единство эпох «до» и «после» 1999 г. И ведь казалось бы, к началу нынешнего десятилетия эта задача была так близка к окончательному успеху: в массовом сознании ценой многолетних усилий почти удалось сформировать представление о коммунистах как стареющих ретроградах, неудачниках и занудах, не вписавшихся в динамичный ритм новой жизни и потому обреченных прозябать на обочине магистрального развития страны и мира. Ностальгия по временам социализма представлялась несовместимой со стремлением нового поколения к свободе, самореализации, материальному достатку.

РПП: наш вывод-прогноз

Спустя 90 лет после Октябрьской революции коммунистическая партия, вопреки многочисленным прогнозам четырех — и восьмилетней давности о неизбежном уходе с политической сцены, уверенно подтверждает свое место «партии № 2», сохранив свои позиции на федеральных выборах и даже приумножив результаты на региональном уровне. «Левый поворот», о котором «так много говорили» в последние годы, именно в 2007-м г. стал явью, которую уже невозможно игнорировать. В основе его — ряд вполне объективных факторов. Во-первых, это полный крах либеральной идеологии и практики. Во-вторых, как обратная сторона медали, — нарастающая потребность общества в идеях социального государства, его активной роли в экономике и социальной защите населения. Однако нынешняя «левизна» некоторых деятелей — от неожиданно озаботившихся социальными нуждами трудящихся лидеров СПС до руководителей Администрации президента — носит откровенно фарсовый характер. Именно в этой фарсовости происходящего, в откровенной лживости создаваемых в угоду «левому тренду» симулякров и кроется, на наш взгляд, причина ренессанса КПРФ.

КПРФ, в свою очередь, за минувшие годы трансформировалась и теперь уже мало напоминает себя образца конца девяностых. Заметно изменился и электорат партии, который сильно помолодел и урбанизировался. По итогам избирательных кампаний разного уровня в 2007 г. КПРФ неожиданно оказалась самой «городской» партией, набрав в областных центрах больше голосов, чем в среднем по регионам (кстати, самой «сельской» стала «Единая Россия»). Так или иначе, коммунисты не только посрамили тех экспертов, которые предсказывали им провал, но и существенно превысили свои средние показатели прошлого года (на региональном уровне). Выйдя на вторые места в Московской, Мурманской, Омской, Орловской, Псковской, Самарской и Томской областях, КПРФ подтвердила свой статус «партии № 2» в стране.

По экспертным оценкам, левое электоральное поле достигает сегодня в России 60% (уровень положительной оценки в обществе роли Ленина и значения Октябрьской революции). Способна ли КПРФ в одиночку «освоить» этот ресурс? Очевидно, что для этого у нее нет ни идейно-политических и организационно-технических, ни финансовых и медийных ресурсов. Коммунистам, даже в лучшие для себя времена, никогда не удавалось освоить потенциальный «левый электорат» более чем на половину, т. е. до 30% голосов избирателей. В результате до сих пор правый центр получал возможность эксплуатировать определенные ожидания той части левого пространства, которую упускали коммунисты, либо определенным образом завышать свою реальную представительность.

Казалось бы, с появлением «Справедливой России» ситуация в этой части электорального поля могла измениться принципиальным образом. Для этого нужны были два условия: КПРФ получить голоса на уровне 1995–1999 гг., а «Справедливой России» достичь рубежа примерно в 20%. Тогда электоральная поддержка «Единой России» и ее верного союзника ЛДПР снижается до 40%, а в общем раскладе она теряет большинство в парламенте. В перспективе усиление «СР» могло грозить нынешней партии власти не только появлением реальной конкуренции и лишением монопольного положения на политическом поле, но и опусканием на третье место, на позиции ниже

КПРФ, собственно, в традиционную нишу «партии власти», которую в свое время занимала «Наш дом — Россия».

Подобная перспектива обрела вполне реальные очертания уже к осени минувшего года, и, чтобы переломить столь катастрофическую тенденцию, Кремль был вынужден пойти на смелые и неоднозначные по своим долгосрочным последствиям шаги.

Первое (а в контексте общей внутривластной интриги года, пожалуй, главное) событие — согласие Владимира Путина возглавить избирательный список «Единой России», озвученное президентом 1 октября на Съезде партии.

Решение президента положило начало радикальной перестройке партийно-политической системы, в которой в последние годы скрупулезно культивировали элементы (псевдо) конкуренции. «Это катастрофа для других партий», — отмечают эксперты. Все остальные политические организации, рассчитывавшие попасть в парламент, за месяц до выборов оказались в форс-мажорной ситуации: необходимо было радикально перестроить всю пропагандистскую стратегию и тактику, чтобы сохранить электоральные позиции при резко усилившейся «Единой России».

РПП: наш вывод-прогноз

Партийная система окончательно приобретает характер «доминантной», в которой, при формальной многопартийности, все остальные партии не имеют даже гипотетического шанса участвовать в дележе пирога власти. Подобная тенденция обесценивает те усилия Администрации президента, которые в последние годы были направлены на формирование видимости «реальной конкурентности» в политическом пространстве, и получали позитивную оценку самого президента. Надо полагать, иллюзорную «конкурентность» решили принести в жертву реальной политической стабильности и предсказуемости.

Эксперименты в области партийного строительства (очевидно, к недоумению их вдохновителей и организаторов) продемонстрировали, как стремительно могут разгораться страсти внутри властных групп и сколь бескомпромиссной может быть их борьба.

Добросовестно отработывая кремлевский заказ, «Справедливая Россия» настолько увлеклась имитацией «реальной политической борьбы», что сама, похоже, поверила в серьезность своих намерений, и даже убедила в этом некоторую часть региональной политической элиты. О последствиях подобного «головокружения от успехов», спровоцировавшего симптомы вполне реального раскола в институтах власти и пагубную неопределенность в рядах чиновников второго и третьего эшелонов, наши эксперты не раз упоминали в материалах «Российских политических практик». В итоге конструкция «двух партий власти» была признана ошибочной, что и было зафиксировано в памятном решении президента возглавить избирательный список «Единой России».

Организационные скрепы доминантной партии позволили хотя бы на время преодолеть тенденции распада правящего политического класса, выплеснувшиеся в публичное пространство в виде межпартийных склок, «войн спецслужб», кадровых перетасовок и прочих кризисных событий последних месяцев уходящего года.

Наибольший урон в сложившейся ситуации понесла «Справедливая Россия», руководители которой позиционировали себя как соратники президента и в то же время непримиримые борцы с «партией бюрократии» — «ЕР». Теперь вся смысловая конструкция «второй партии власти», ее *raison d'être* рухнет до основания. Ведь не ради «борьбы за социализм», в самом деле, создавалась эта партия? Не ради «актуальной левой альтернативы» шли в нее политики и депутаты из категории «заднескамеечников». Теперь можно обоснованно ожидать повального бегства из ее рядов всех сколь-нибудь значимых представителей политической элиты.

Выстраиваемая Владимиром Путиным стратегия производит впечатление продуманной и почти безукоризненной. Решение президента возглавить избирательный список «ЕР» следует рассматривать как логичное звено в цепи событий, начало которым положили сентябрьская отставка правительства и новые назначения. Ключевые кадровые решения имеют единую логику, смысл которой — в преодолении неопределенности, развенчании иллюзий и мобилизации начавшей было «расползаться по швам» политической элиты.

Однако выбранная стратегия имеет некоторые изъяны. Владимир Путин стал более уязвим для критики: до сих пор президент не нес (в восприятии общества) персональной ответственности за некачественную работу правительства и за непопулярные решения, с которыми ассоциируется «Единая Россия» (монетизация льгот, реформа ЖКХ и т. д.). Но после того как он возглавил партию власти, ситуация изменилась.

Между тем не трудно заметить, что Владимир Путин безошибочно улавливает нотки скептицизма и непонимания по поводу его решения встать во главе списка «Единой России», читаемые в словах, а еще больше во взглядах, выражении лиц участников предвыборных мероприятий с участием президента. На этом фоне убийственные для любой уважающей себя политической организации характеристики, прозвучавшие из уст президента в беседе с красноярскими рабочими (о том, что у «партии власти» «нет устоявшейся идеологии и принципов, за которые большинство членов партии были бы готовы бороться», зато «Единая Россия» близка к власти и к президенту, и поэтому туда устремляются проходимцы), звучат неожиданно искренне.

РПП: наш вывод-прогноз

Тональность высказываний Владимира Путина оставляет надежду на то, что чувство реальности не изменит президенту, как не изменяло оно ему раньше. Конечно, занять абсолютно независимую позицию не позволяет выбранный вариант «переходной модели» (есть ли ей реальные альтернативы — другой вопрос), и было бы странно, если бы Путин, возглавив таки список «ЕР», поспешил от (прямо скажем, не очень популярной) партии демонстративно дистанцироваться. Однако при этом и полностью отождествиться с этой партией для президента неприемлемо. Усилив свою идентификацию с «Единой Россией», без чего «Единая Россия» просто не сможет достичь своей цели получить конституционное большинство в следующем составе парламента, президент все же делает определенные знаки обществу, что он не целиком и полностью отождествлен с «Единой Россией». Классическая парадигма «хороший царь — плохие бояре» просто не допускает такого варианта.

А это значит, что «возможны варианты», и «боярам» рано почивать на лаврах. Не стоит забывать, что по ассоциации с событиями памятного 1612 г. следующий шаг — «всемирный собор», или, говоря языком наших современников, «обращение напрямую к народу поверх голов обанкротившегося политического класса».

Дополнительный вес подобному сценарию придает второе ключевое событие в сфере партийно-политического строительства, изрядно озадачившее аналитиков и комментаторов под самый занавес избирательной кампании: процесс формирования региональных инициативных групп в поддержку Владимира Путина в организационных рамках нового массового общественно-политического движения «За Путина!». И если сравнительно скромная постановка, разыгранная на подмостках тверского драмтеатра в качестве подготовительного мероприятия, еще могла создать у наблюдателя ощущение независимой инициативы снизу, то помпезное шоу в «Лужниках» 21 ноября, организованное в классических традициях американских предвыборных кампаний, уже не оставляло сомнений по поводу истинных вдохновителей и организаторов, стоящих за новым, стремительно набирающим размах политическим проектом.

С чисто технологической точки зрения замысел режиссеров достаточно прозрачен. По всей видимости, новая инициатива призвана прийти на смену несостоявшемуся, как теперь уже ясно, проекту «Справедливая Россия».

Напомним, что основная идея, стоявшая за детищем г-на Миронова, состояла вовсе не в реанимации позднесоветского Большого стиля, и уж тем более не в возрождении идеологии социализма. Проблема и тогда, и сейчас идентифицировалась иначе: согласно всем социологическим опросам, число избирателей, поддерживающих президента и его курс, существенно больше числа тех, кто готов голосовать за «Единую Россию», органически не способную избавиться от негативного имиджа «партии начальства». Над созданием «второй» пропрезидентской силы, занимающей в то же время критическую позицию по отношению к основной партии власти, стратеги из АП бьются уже добрых пять лет, начиная с учреждения «Родины» Рогозина. Однако все предыдущие попытки оказывались неудачными,

поскольку виртуальные Големы, в полном соответствии с классическим сюжетом, рано или поздно утрачивали контроль и начинали вести себя как слон в посудной лавке.

Однако проблема с охватом «путинского большинства», особенно актуальная накануне выборов, осталась открытой. Проект движения «За Путина!» призван ее решить, избегая при этом фатальных ошибок, выявившихся в ходе предыдущих экспериментов.

РПП: наш вывод-прогноз

Главным преимуществом движения «За Путина!» видится его непартийный статус, а следовательно, отсутствие претензий на конкретные властные позиции, выдвижение собственного списка кандидатов. Уже в силу этого новый проект не должен восприниматься ревнивыми единосотсниками как реальный конкурент, сеющий раздор и неопределенность в рядах политической элиты. В тактическом плане задача нового проекта проста и очевидна: мобилизовать колеблющееся «путинское большинство», попытаться заретушировать аллергию значительной части избирателей в отношении «Единой России», организационно подкрепить идею выборов как «референдума о доверии президенту».

Вместе с тем остаются вопросы по поводу стратегического замысла, той роли, которая отведена новому движению после декабрьских и мартовских выборов. Сложившаяся в стране де-факто модель «внепартийного президента» имеет слишком много плюсов, чтобы отказаться от нее окончательно, как бы этого ни хотелось лидерам «ЕР». Если предположить, что проект «За Путина!» — это не однодневка на время избирательной кампании, а, как говорится, всерьез и надолго, у «Единой России» гипотетически могут возникнуть поводы для беспокойства.

Очевидно, что сценарий проекта «За Путина!» развивается во многом вопреки амбициозным планам лидеров «Единой России». Проект продвигался главным образом усилиями заместителя руководителя администрации президента В. Суркова и его команды, которых после VII съезда «Единой России» оттеснили от избирательной кампании «партии влас-

ти» и для которых поэтому остро встала проблема политического выживания. В свою очередь, Владимир Путин, пытаясь расширить поле собственных альтернатив, начал проявлять заинтересованность в развитии этой идеи. В результате В. Суркову удалось перехватить инициативу, и съезд сторонников В. Путина, состоявшийся 21 ноября в Москве, во Дворце спорта в Лужниках, формально организованный на паритетных началах («ЕР» и нового движения), прошел по иному сценарию, чем предполагало руководство «Единой России». В частности, на этом мероприятии не произошло двух важных церемониальных событий, которые хотело включить в программу руководство «Единой России». В. Путину не были вручены ни членский билет партии, ни кандидатское удостоверение.

РПП: наш вывод-прогноз

Так или иначе, логично предположить, что в ассоциативном воображении «кремлевских мечтателей» (в стремлении выстроить новую парадигму «национального лидерства» обращаясь к смысловым конструкциям 1612 г.) некая внепартийная, представительно-совещательная структура, функционирующая на нерегулярной основе, контуры которой можно угадать в новом движении, по своей форме гораздо больше подходит на роль «всенародного собора», призванного дать мандат доверия лидеру нации.

Что касается т. н. «антипутинской оппозиции», то для нее минувший год стал временем горьких разочарований. Неоднократно заявлявшая о своей готовности взять власть в стране, внесистемная оппозиция оказалась не способна преодолеть даже собственные внутренние противоречия и разногласия. Камнем преткновения стала фигура единого кандидата от оппозиции, а также тактика поведения в парламентской избирательной кампании.

Разброд и шатания в стане оппозиции со всей наглядностью демонстрируют безнадежность «оранжевой перспективы» в России. Однако все это не значит, что в стране нет тех сил,

которые в рамках существующей системы не видят для себя ни политических, ни экономических перспектив, а потому кровно заинтересованы в сломе этой системы и радикальном изменении ситуации. Таких сил немало, причем речь не только о либералах-западниках — тут очень разношерстная публика, в том числе и часть ныне правящей политической элиты, опасющейся остаться за бортом в результате перехода власти к новому президенту в 2008 г. Также никуда не делись и внешние силы, у которых свой взгляд на будущее России и ее место в мире.

Заданное Кремлем развитие событий их не устраивает. Рычагов легитимного влияния на ситуацию у них нет (все эти рычаги находятся в руках Кремля — это, собственно, и является основой сложившейся системы), перспективы реализации оранжевых технологий равны нулю. Что делать в этой ситуации? С точки зрения политтехнологии ответ, в общем, очевиден: нужна дестабилизация.

Марши несогласных, ориентированные на провокацию, громкие политические убийства — все это работает на дестабилизацию, но нужного эффекта не дает. Дестабилизации не выходит. А потому чем дальше, тем очевиднее становится, что играть оппозиция будет на разжигании межнациональной розни, т. е. в самую опасную игру с самыми непредсказуемыми последствиями. Опыт минувшего года, в частности события в Ставрополе, убедительно продемонстрировали этот вывод.

РПП: наш вывод-прогноз

Итоги парламентской избирательной кампании, кажется, даже у самых терпеливых и «договороспособных» представителей внепарламентской оппозиции не оставили сомнений в том, что их отсутствие в Думе не является случайным стечением обстоятельств. Даже принимая во внимание результаты «альтернативных» подсчетов голосов, приходится констатировать, что ни одна из либеральных партий не преодолела 7%-ный барьер. Также не приходится сомневаться в том, что и в этой ситуации, если бы власть хотела, чтобы в Думе была та или иная либеральная фракция, пусть даже декоративная, — она бы там появилась.

Между тем результаты голосования в крупных российских городах, особенно в Москве и Питере — мегаполисах, жители которых снимают основные сливки с экономического процветания последних лет, с того самого «плана Путина», говорят сами за себя. Здесь партия власти если и не проиграла выборы, то критически не добрала собственных плановых показателей. А ведь это в конечном счете именно те категории избирателей — в большинстве своем молодые, образованные и успешные, — кто в последние годы больше всего выиграл от проводимой Владимиром Путиным политики, от достигнутой экономической стабильности, они стали двигателем потребительского бума, охватившего страну. Объективно представляя собой ресурс политической поддержки президента, эти люди, тем не менее, органически не приемлют бюрократический дух большинства прокремлевских политических проектов и в первую очередь — «Единой России».

Насколько кремлевские стратеги уверены в том, что этот избиратель в конечном счете сделает «правильный выбор»? Не предпочтет стихию «прямого действия»? Ведь человек, загнанный в угол, порой способен на действия, противоречащие даже инстинкту самосохранения. Тем более когда в таком развитии событий в преддверии мартовских выборов заинтересованы многие влиятельные силы как внутри, так и вне страны?

Так или иначе, особенностью завершившегося электорального цикла, отмеченной большинством экспертов, оказалась его предсказуемость. Несмотря на целый ряд очень значимых сюрпризов, средний показатель ключевых партий многие аналитики угадали с точностью до одного-двух процентов. На предыдущих выборах разброс прогнозов и результатов был куда значительнее. Кроме того, все основные партии выступили достаточно ровно: если отсечь крайние значения, то разброс по регионам у всех четырех партий, прошедших в Думу, вполне укладывается в рамки внутренних и внешних ожиданий.

РПП: наш вывод-прогноз

Все вышесказанное, по сути дела, говорит об одном: в стране — худо-бедно, не мытьем, так катаньем — сложилась партийная система. Ясно очерченный и ограниченный круг партий с более или менее стабильной поддержкой и в условиях реальной политической борьбы (в рамках системных требований, разумеется) — собственно, это и есть партийная система.

Впрочем, сказанное касается только системных партий. Внесистемные силы, партии радикальной оппозиции (будь то либеральной или националистической) методично устранились с политической арены. Для них административные преграды были и остаются непреодолимыми, и такая политика обещает сохраниться в обозримом будущем, закладывая потенциал нестабильности под фундамент выстраиваемой конструкции политической власти на период «после 2008 г.».

Политические элиты

Проблема-2008

На протяжении всего минувшего года сохранялась главная политическая интрига, связанная с кандидатурой преемника. При этом каждый раз, когда у наблюдателей начинало складываться ощущение, что «выбор» уже сделан, президент предпринимал очередной ход, путающий все планы и вносящий дополнительную интригу в предвыборную кампанию. Кремль избрал в этом вопросе модель поведения, известную как «стратегическая неопределенность».

В начале года многим показалось, что можно уже пренебречь сложившейся ранее практикой, согласно которой карьерный и политический рост основных кандидатов — Медведева и Иванова — в известной степени синхронизирован, и каждая эффектная публичная акция одного рано или поздно компенсируется соответствующей акцией другого. При этом наблюдатели отмечали именно симметричность знаковых мероприятий с участием того или иного кандидата: стоило Дмитрию Медведеву выступить в Госдуме с программной речью, как точно такую же возможность получал Сергей Иванов. Публичная презентация обеих фигур западной политической элите также была осуществлена в сопоставимом формате: давосское выступление Медведева против мюнхенского выступления Иванова.

Повышение Сергея Иванова в ранг вице-премьера, в свою очередь, немало озадачило тех, кому уже начало казаться, что все ставки в игре сделаны и выигравшее число известно. В итоге на протяжении всего минувшего года сохранялась логика сбалансированного присутствия Иванова и Медведева. Если один получал информационные и политические возможности для продвижения своего имиджа, то через какое-то время аналогичную имиджевую поддержку получал и другой.

Впрочем, оценивая с позиции уже известного результата административные и медийные маневры минувшего года, связанные с фигурами двух кандидатов, в новом свете представля-

ются оценки экспертов (в т. ч. приведенные в начале года на страницах РПП), усмотревших уже в то время признаки ослабления позиций Сергея Иванова. В февральском выпуске мы отмечали, что формальное повышение Иванова в статусе вице-премьера скорее ослабляет его позиции и вряд ли является трамплином к президентскому креслу. Пик аппаратного влияния Сергея Иванова пришелся скорее на предыдущий, 2006 год, когда он в статусе министра обороны возглавил Военно-промышленную комиссию. Это была действительно крупная аппаратная победа — впервые со времен «тяжеловеса» брежневского Политбюро Дмитрия Устинова армия и «оборонка» оказались в одних руках. Как показало время, вывод о том, что последующими кадровыми перестановками Кремль скорее сравнительно деликатно «осадил» Иванова в его предполагаемых президентских амбициях, а не уравнивал его шансы с Медведевым, в целом оказался верным.

Впрочем, до самой осени ситуация с преемником оставалась в подвешенном состоянии. Периодически создавалось впечатление, что Сергей Иванов обходит Дмитрия Медведева на финишной прямой. Так, в июне на Петербургском экономическом форуме Иванову было позволено выступить с программной речью, в которой он сделал множество громких заявлений, расцененных наблюдателями как демонстрация его претензий на президентский пост. С. Иванов в частности говорил, что к 2020 г. Россия пойдет в пятерку крупнейших стран мира по ВВП, обещал инновационный прорыв. Именно С. Иванов возглавил правительственный совет по нанотехнологиям. Получили широкое хождение слухи о том, что Сергей Иванов, возможно, возглавит предвыборный список «Единой России».

Периодически градус неопределенности подогревал Владимир Путин, упоминая то некоего «человека порядочного и крепкого профессионала, успевшего зарекомендовать себя по работе на федеральном или региональном уровне», но при этом «не засвеченного на российской политической поляне», то некоего губернатора, «которому народ окажет доверие стать во главе государства». Каждый подобный намек немедленно привлекал внимание заинтересованных наблюдателей, принявшихся перебирать всю колоду федеральных и региональных лидеров в поисках подходящей кандидатуры.

РПП: наш вывод-прогноз

Так или иначе, на протяжении всего минувшего года политические элиты страны пребывали в состоянии перманентного волнения, не находя ясного ответа на вопросы, кто будет после 2008 г. и в чью приемную стоит идти, с кем договариваться сегодня и какую систему союзов выстраивать на будущее. Какие бы тактические «победы» или «поражения» ни переживали за это время ведущие кремлевские и околоскремлевские силы, сколь бы противоречивыми ни были их ключевые экономические интересы, объединяло их в известном смысле одно: никто не знал наверняка, кто именно будет преемником.

Владимиру Путину было выгодно сохранять интригу до последнего. Тем более, в российских реалиях, где господствуют специфические придворные традиции и нравы. Как выразился один из высокопоставленных чиновников, «стоит президенту назвать фамилию “окончательного” преемника, как тут же к нему перестанут записываться на прием и даже звонить станут реже». Кроме того, чем ближе к выборам Путин раскрывает имя преемника, тем значимее роль нынешнего президента в ходе самой избирательной кампании. «Пока все мы — не только во власти, но и в стране в целом — еще не в силах осознать феномен путинского ухода», — признавались ответственные лица в Администрации президента.

Периодически вбрасываемая на протяжении всего минувшего года в публичное пространство тема «третьего срока» достаточно точно передает весь драматизм ситуации в ее восприятии ключевыми кремлевскими группировками. Наиболее последовательно этот проект, в разных вариантах его реализации, продвигал Сергей Миронов. Относительно импульсов, которые шли через С. Миронова, существуют две взаимоисключающие, на первый взгляд, версии.

Согласно одной, его поддерживали такие влиятельные фигуры из «силового» блока президентской команды, как И. Сечин, В. Иванов, Н. Патрушев. По другой версии, за С. Мироновым стояли их конкуренты в лице С. Иванова, Ю. Ковальчука и В. Черкесова. Дело, однако, в том, что для любой из этих групп

важным могло быть не столько содержание «нерутинного» сценария, сколько возможность получить поддержку В. Путина. Поэтому не исключено, что они действовали одновременно. Главным тут было опередить друг друга в качестве источников подобного сценария.

«Конфликт сценариев» достиг наивысшей точки в конце ноября, когда между разными кремлевскими группами началась острая борьба за то, чтобы сыграть решающую роль в подготовке предвыборного обращения В. Путина к нации. Согласно первому варианту, президент должен был досрочно объявить о прекращении полномочий, с тем чтобы после назначения президентских выборов заявить об участии в них. Сторонники второго варианта полагали, что президент, покинув свой пост в конституционном порядке, должен остаться «моральным» лидером нации. Эту точку зрения публично поддержал и председатель ЦИКа В. Чуров, в данном случае выражавший, надо полагать, интересы самого Владимира Путина, стремящегося сохранить альтернативность и инициативу, сдерживая стремление конкурирующих групп навязать ему сценарии решения проблем переходного периода. Таким образом, на самом деле полемика вокруг идеи «третьего срока» была лишь слабым отражением закулисной схватки за сценарий передачи власти в 2008 г.

РПП: наш вывод-прогноз

Решение президента возглавить избирательный список «ЕР» и последовавшее вскоре согласие встать во главе правительства после выборов 2008 г. положило конец ситуации «стратегической неопределенности» в вопросе о преемнике, поскольку теперь становится окончательно ясно, что преемником Путина будет сам Путин. Финальная «победа» Дмитрия Медведева в конкурсе преемников, с учетом формируемой сегодня архитектуры политической власти в стране, собственно, не вносит в сложившуюся картину каких-либо принципиальных нюансов. Формально «двухполюсная» модель (или, с подачи Виталия Иванова, «диархия») может быть описана формулой: «сильный президент» (независимо от личных качеств Дмитрия Медведева, просто в силу объема

конституционных полномочий) и «сильный премьер» (независимо от объема конституционных полномочий, просто в силу авторитета Владимира Путина). Известно также, что такое состояние, как правило, является нестабильным. И с этой нестабильностью научились справляться традиционные премьер-президентские республики (Франция), однако для этого необходима конституционная реформа. От идеи конституционной реформы, как известно, отказались.

В действительности она и не нужна. Новая модель будет опираться на два элемента «сдержек и противовесов»: а) абсолютную личную лояльность и отсутствие политических амбиций у того, кто займет пост президента, и б) конституционное большинство голосов в руках правящей партии, в качестве подстраховки (возможность в любой момент изменить механизм формирования правительства или даже задействовать процедуру импичмента). Немаловажным является и то обстоятельство, что оба «центра» будут представлять люди с юридическим типом мышления, ясно понимающие ценность норм и механизмов, закрепляющих взаимовыгодное компромиссное решение.

При этом Владимир Путин посредством «референдума» фактически пролонгирует свой мандат на правление, скорее всего, получая больше голосов, чем преемник (который просто из соображений политкорректности не должен собрать больше 55%). Доктрина «национального лидера» окончательно цементирует выстраиваемую конструкцию власти.

Экономическая политика

Российский фондовый рынок на фоне мирового финансового кризиса

Главным экономическим событием уходящего года стал мировой финансовый кризис, связанный с проблемами в американском секторе ипотечного кредитования, вызвавшими кризис ликвидности и доверия. На этом неблагоприятном фоне российский рынок сумел не только удержаться на достигнутых уровнях, но и достичь новых высот. Но торжество оказалось непродолжительным. В начале нового года фондовые индексы резко опустились на 7,5% в день вслед за движением иностранных рынков. Многие фондовые аналитики продолжают объяснять продолжающуюся рецессию замедлением экономики США. Мнения о том, что экономики отдельных стран колеблются все больше и больше, когда экономика США «чихает» (а именно такой официальный термин был применен) нарастают как снежный ком. Российский же министр финансов на экономическом форуме в Давосе продолжает уверять как россиян, так и мировых лидеров в том, что страна остается одним из немногих «островков стабильности» в мире.

Наиболее значимым событием российского финансового рынка в 2007 г., способствовавшим его росту, стало проведение IPO крупнейших госбанков — ВТБ и Сбербанк РФ. Сбербанк в ходе проведения допэмиссии привлек 230 млрд 238 млн руб., при этом его уставный капитал увеличился на 7,76 млрд руб. — до 67,76 млрд руб. Вопреки прямо высказанному пожеланию со стороны президента, по оценкам финансовых аналитиков, большинству жителей России купить акции Сбербанка оказалось просто не по карману.

В свою очередь, по итогам аналогичной акции ВТБ, рыночная капитализация банка составила 35,5 млрд долл., а общий объем оферты — около 8 млрд долл. При этом IPO Внешторгбанка было названо народным, поскольку заявки на покупку акций ВТБ поступили от более чем 131 тыс. частных инвесторов общим

объемом 1,6 млрд долл. По некоторой информации, в 2010 г. планируется дальнейшее увеличение уставного капитала ВТБ за счет дополнительной эмиссии акций, что приведет к снижению доли государства в капитале банка до 50% + 1 акция.

Итог «народных IPO» оказался не тем, каким ожидали. По итогам 2007, началу 2008 г. акции указанных эмитентов не раз становились на передовые позиции падения рынка. Аналитики все чаще говорили о том, что после подобных IPO нельзя рассматривать акции государственных компаний как интересный инструмент вложений для частных инвесторов, т. к. на разнице курса приобретатели акций государственных банков то теряли, то приобретали. В итоге даже поднимался вопрос о компенсациях новым акционерам в связи с колебаниями курсов акций по итогам «народных IPO». Все эти события вызывают смутные сомнения как в «народности», так и в необходимости акций подобных IPO для крупных государственных банков. Обычно компании перед подобными мероприятиями усиливают структуру управления, готовят долгосрочные программы для новых инвесторов. Госбанки же подобные мероприятия не вынесли в публичную сферу обсуждения. Возможно, причина резких колебаний акций кроется в этом?

Вопрос этот далеко не праздный, т. к., с одной стороны, компании привлекают деньги инвесторов и выходят на глобальный рынок ресурсов, с другой — уделяют недостаточно внимания для подготовки к первичным размещениям. Учитывая, что подобных размещений в ушедшем году было много, еще более интересные планируются и в 2008-м, значение подготовки к IPO переоценить сложно. По их результатам компании либо существенно растут, либо продолжают поддерживаться за счет государственных управленческих ресурсов. В итоге встает вопрос: так ли были необходимы IPO государственных компаний в реальности или снова все сделали «по команде»?

В 2007 г. укреплению позиций российского рынка акций способствовала либерализация валютного законодательства. В частности, с 1 января 2007 г. был упрощен порядок проведения валютных операций: сняты требования об использовании специальных счетов при осуществлении расчетов, связанных с представлением и получением кредитов и займов в проведении

операций с внешними ценными бумагами и приобретением прав на внутренние ценные бумаги. Кроме того, был упрощен порядок открытия физическими и юридическими лицами счетов в банках за пределами России.

2007 г. является вторым годом в истории России, когда приток капитала в страну превышает его отток. По итогам 2006 г. чистый приток составил 40 млрд долл., между тем в текущем году Минфин РФ оценивает чистый приток иностранного капитала в Россию в 75–80 млрд долл. При этом объем прямых иностранных инвестиций в 2007 г. практически удвоится по сравнению с предыдущим, достигнув 45 млрд долл. Прогнозы Минэкономразвития несколько отличаются от заявленных Кудриным: чистый приток капитала по итогам 2007 г. может превысить беспрецедентную цифру — 90 млрд долл. По показателю темпов роста прямых иностранных вложений Россия занимает четвертое место в мире (после Казахстана, Польши и Таиланда), а по общему объему средств, вложенных иностранными инвесторами, входит в тройку лидеров (наряду с Китаем и Сингапуром).

Крупнейшими иностранными инвесторами России являются Кипр, Нидерланды и Люксембург, на долю которых в 2006 г. пришлось соответственно 21, 19,1 и 16,3% всех накопленных инвестиций в страну (присутствие Кипра в тройке лидеров позволяет усомниться в собственно иностранном происхождении ввезенного капитала). Также в первую десятку крупнейших инвесторов вошли Великобритания (10,8%), Германия (5,7%), США (4,2%), Франция (3,7%), Швейцария (3,3%), Ирландия и Виргинские острова (по 2,2%).

Между тем Центробанк РФ прогнозирует еще больший приток иностранного капитала на российский фондовый рынок: учитывая ситуацию с мировым кризисом, реальное размещение ресурсов возможно именно на развивающихся рынках. Немаловажную роль, способствующую притоку иностранных инвестиций, играет и мировой бум на сырьевых рынках. По данным UNCTAD, большая часть иностранных инвестиций была направлена в активы развивающихся стран с сильной сырьевой базой. Интерес к менее привлекательным для инвесторов несырьевым отраслям, по словам экспертов, может быть

увеличен за счет структурной перестройки экономики страны. В первую очередь, речь идет о стимулировании научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР), содействии коммерциализации технологий и создании системы государственного кредитования венчурного предпринимательства. Однако в этой области на сегодняшний день наблюдается больше слов, чем конкретных дел.

Отметим, что итоги года для фондового рынка могли быть (и прогнозировались) выше. Начало 2007 г. было встречено российским фондовым рынком понижающим движением, удержаться на достигнутых в последние дни 2006 г. высотах не удалось. Напомним, что в начале 2007 г. аналитики прогнозировали рост индекса РТС до отметки 2100–2240 пунктов или даже 2500–2600 пунктов. В реальности в течение 2007 г. индексу РТС удалось преодолеть психологический уровень 2000 пунктов и в ноябре-декабре достичь новых максимумов на отметке 2300 пунктов.

Причины указанного недобора, по мнению экспертов, связаны с тем, что фактически последние несколько лет российская фондовая система живет за счет притока иностранного капитала, что делает ее крайне уязвимой перед лицом колебаний внешней конъюнктуры. Яркий тому пример — кризис экономики США, который уже отразился на России всплеском инфляции, сокращением ликвидности и угрожает сокращением темпов роста экономики. При этом темпы развития инфраструктуры фондового рынка не успевают за ростом экономического потенциала, что может в обозримой перспективе привести к негативным последствиям, включая уход ведущих российских «голубых фишек» на зарубежные биржевые площадки.

Новое падение 2008 г. всерьез подтвердило эти опасения. Аналитики хором заговорили о кризисе российского фондового рынка, но власти страны не видят в этом ничего страшного. Действительно, если присмотреться к акциям «второго эшелона», то они упали не так сильно, как акции подобных компаний на рынках Европы и мира. В результате вполне можно говорить и о скорой коррекции, и даже, в перспективе, стабильности российского фондового рынка. Но прояснить природу этой стабильности все еще затруднительно. В качестве примера

всплывает в памяти один эпизод из области водного транспорта. По результатам кризиса мировых фондовых рынков акции арабского холдинга, третьего в мире по величине терминального оператора DP World, упали на 22%, акции гамбургской NHLA рухнули на 24%. Оператор паромных же и небольших универсальных терминалов в Великобритании, Forth Ports PLC, вырос в цене на 12%. Этот пример наводит на нехорошие мысли относительно стабильности и перспективного роста российского рынка. Оказывается, показатели акций отдельных компаний могут расти на фоне кризиса из-за отсутствия интереса инвесторов к ним. Российский рынок акций, где набор привлекательных инструментов для инвесторов по существу ограничен, вполне может быть подвержен именно этой тенденции. Число привлекательных инструментов ограничено, и иностранные инвесторы в текущей ситуации ими не особо интересуются. Рынок вынужден расти на собственных ресурсах, которых не так много.

Общий вывод о перспективах в 2008 г. может быть еще более печальным, чем начало нашего анализа. Если описанный в предыдущем абзаце сценарий окажется верным, то в 2008 г. у российского фондового рынка по сути два пути — дальнейшее привлечение средств иностранных инвесторов или усиление государственного участия. Оба пути имеют свои достоинства и недостатки, но наиболее предпочтительный вариант развития — появление новых «голубых фишек». Эта тенденция сможет вернуть реальный интерес инвесторов к вложениям, а компании — к новым размещениям.

Дедолларизация экономики

2007 год ознаменовался существенным ослаблением американского доллара по отношению к основным мировым валютам. Так, если на начало текущего года пара «доллар — евро» на рынке Forex торговалась на уровне 1,30–1,31 долл. за евро, то к концу 2007 г. достигла абсолютных исторических минимумов и вплотную приблизилась к отметке 1,5 долл. за евро. При

этом котировки доллара на российском валютном рынке упали с уровня 26,3311 руб. (на 30 декабря 2006 г.) до минимумов 1999 г. — 24,7235 руб. за доллар (по состоянию на 22 декабря 2007 г.), в то время как курс евро к рублю, напротив, укрепился с 34,6965 руб. (на 30 декабря 2006 г.) до 35,5796 руб. за евро (на 22 декабря 2007 г.). При этом реальный эффективный курс рубля к корзине валют государств — основных торговых партнеров России — за 10 месяцев 2007 г. вырос на 4,7% по отношению к уровню декабря 2006 г. Реальный курс рубля к доллару США увеличился за 10 месяцев 2007 г. на 12,4% (16,7% в 2006 г.), к евро — на 5,3% (5,6% в 2006 г.).

Основное давление на пару «евро — доллар» на мировых рынках оказывали опасения относительно наступления рецессии в экономике США и данные о значительных списаниях финансовых компаний в связи с потерями по ипотечным кредитам. На этом фоне Федеральная резервная система (ФРС) США во второй половине года трижды принимала решение понизить ключевую ставку: в сентябре — на 0,5% (с 5,25 до 4,75% годовых), в октябре — на 0,25% (до 4,5% годовых) и в декабре — еще на 0,25% (до 4,25%).

Реакция инвесторов на последнее решение ФРС оказалась достаточно скептической: они полагают, что такого снижения ставок недостаточно для предотвращения снижения темпов роста американской экономики. По оценкам аналитиков, только кардинальные меры (такие, как снижение процентной ставки по федеральным фондам на 1 процентный пункт) могут предотвратить рецессию в экономике США. А о ней говорят уже самые влиятельные аналитики. Эксперты *Morgan Stanley* считают, что американская экономика вступит в фазу «легкой рецессии» в 2008 г. Они отметили, что спрос на внутреннем рынке в США в первые три квартала следующего года упадет на 1% в годовом выражении, а рост ВВП остановится. Что касается корпоративных прибылей, то они упадут на 5–10%. Тем не менее по итогам всего 2008 г. рост американской экономики прогнозируется на уровне 1% в годовом выражении³.

³ Эксперты *Morgan Stanley* представили наиболее пессимистичный прогноз среди других экономистов. По мнению аналитиков других крупных компаний с Уолл-стрит, рост американской экономики в следующем году в среднем достигнет 2,2% в годовом выражении.

Финансовые власти США практически не поддерживают национальную валюту, т. к. преимуществом ее ослабления является снижение дефицита внешнеторгового оборота; изменение ставок в США и Европе не благоприятствует курсу доллара США; иностранные инвесторы снижают объем инвестиций в активы США; многие страны (Китай, арабские страны) задумываются о диверсификации золотовалютных резервов, снижая долю доллара за счет других валют, что повышает предложение валюты на рынке при снижении спроса.

Укрепление курса рубля в 2007 г. было вызвано не только ослаблением курса доллара США на международном валютном рынке, но и значительным положительным сальдо счета текущих операций по причине высокого положительного сальдо внешнеторгового оборота, а также притоком капитала в страну.

Положительное сальдо внешнеторгового оборота составило 38% (в среднем в 2007 г.) от объема экспорта, что является достаточно высоким уровнем. Именно внешнеторговый оборот является причиной значительного положительного сальдо счета текущих операций платежного баланса, что, в свою очередь, порождает значительный приток иностранной валюты в Россию. Вместе с тем по причине значительного укрепления рубля темп прироста импорта превышает темп прироста экспорта уже с мая 2006 г., что порождает снижение положительного сальдо внешнеторгового баланса и профицита счета текущих операций. ЦБ РФ прогнозирует снижение профицита до 3,6–34,2 млрд долл. в 2008 г. (с 96,1 млрд долл. в 2006 г.) и его дефицит в 2009–2010 гг. В среднесрочной перспективе это должно ослабить давление на обменный курс рубля, что выразится в том числе в снижении темпов его укрепления в реальном выражении. Однако на сегодняшний день цены на нефть остаются на исторически высоком уровне, приближаясь к 100 долл. за барр., цены на металлы по причине сохранения высоких темпов экономического роста в Китае не снижаются. Так как сырьевые товары составляют в экспорте товаров РФ 78,8% (63,4% — топливно-энергетические товары, 15,4% — металлы, по итогам I полугодия 2007 г.), это скажется на сохранении значительного профицита и внешнеторгового оборота и счета текущих операций в ближайшие кварталы.

Инфляция

Еще одной, к тому же не последней, причиной укрепления рубля в 2007 г. явилась борьба с инфляцией, провозглашенная ЦБ РФ в «Основных направлениях единой государственной денежно-кредитной политики» приоритетной целью. Важность снижения инфляции повышается в предвыборный период: укрепление национальной валюты в определенной степени позволяет снизить рост цен, особенно на импортируемые товары. Положительной стороной такой политики оказывается и удешевление импортного оборудования, что является одной из главных статей российского импорта (49,6% совокупного импорта по итогам I полугодия 2007 г.), что облегчает техническое переоснащение российских компаний.

Даже на фоне широко критикуемой многими экспертами и участниками рынка политики ЦБ по сдерживанию инфляции ценой укрепления национальной валюты резкий рост инфляции, совершенно не вписывающийся в благостные прогнозы Минэкономразвития, стал едва ли не главным экономическим событием 2007 г., совпавшим с началом предвыборной кампании.

Инфляция действительно является как «производной» предвыборной кампании, так и одним из ее главных рисков. Расходы бюджета растут, и, хотя эти траты были запланированы, их нельзя сбрасывать со счетов. Кроме того, бюджетные средства расходуются несистемно. Еще одна причина — инвестиции в компании с государственным участием, такие как Сбербанк и ВТБ, которые после проведения «народных IPO» нуждаются в поддержке. Так, ЦБР сообщил о предоставлении ВТБ шестимесячного кредита на сумму 6,9 млрд руб под 7,5% годовых. В сумме на покрытие «народных IPO» и синдицированного кредитования, по оценкам экспертов, ушли порядка 20–25 млрд долл.

Еще одна причина — активность Центробанка, предпринимающего все возможные меры против обвала финансовой системы вследствие ипотечного кризиса на международных

рынках. Центробанк решил снизить на один процентный пункт резервные требования к коммерческим банкам: доля привлеченных средств, которую банки должны хранить в ЦБ, составит не 4–4,5%, а 3–3,5%. Кредитные организации получили возможность снять со своих счетов в Центробанке около 100 млрд руб.

Кроме того, в России активно создаются институты развития, направленные на диверсификацию экономики: Инвестфонд РФ, Банк развития, Российская венчурная компания, Агентство по ипотечному жилищному кредитованию, Россельскохозяйственный банк, Росагролизинг, Роснанотех и т. д. Недавно глава Минэкономразвития Эльвира Набиуллина предложила капитализировать эти институты, направив на эти цели 640 млрд руб.

Все вышеупомянутые факторы сами по себе, возможно, и не были бы инфляционнообразующими, однако вместе они стали причиной того, что инфляция резко выросла. Упомянутые финансовые вливания резко увеличивают размеры средств, которые попадут в экономику в конце 2007 г. Туда же, по мнению экономистов, пойдут и расходы федерального бюджета по «выборным» статьям, пик которых как раз придется на конец года. Все это может отразиться на инфляции не столько в конце этого, сколько в начале следующего года, как раз к моменту президентских выборов. Так что о планах сохранить в 2008 г. инфляционный ориентир в 7%, высказанных председателем ЦБ Сергеем Игнатьевым, можно отозваться как о весьма и весьма оптимистичных.

С другой стороны, можно сколь угодно долго рассуждать о многовекторности факторов, порождающих инфляцию, их сложности и многоликости, но констатировать приходится лишь одно: все инструменты, используемые правительством в борьбе с этим сложным недугом, — финансовые. Складывается впечатление, что у экономического развития РФ нет альтернативы. Она активно обозначается ведущими российскими экономистами, от оппозиционных до вполне лояльных действующему режиму: диверсификация экономики, переход от финансового стимулирования к осознанной политике ликвидации диспропорций в развитии российской экономики. Они

колоссальны. Возможно, что именно растущие диспропорции вкупе с односторонностью экономических решений и приводят к практически уже галопирующей инфляции, которую от этого спасает только методика расчета.

Как мы видим, нельзя утверждать, что рецептов от инфляции нет, они есть. Весь вопрос в том, почему правительство ими не пользуется. Вопрос ли это «идеологической зашоренности» или простого нежелания рисковать, имея в собственном распоряжении крупнейшие за всю историю финансовые активы государства в иностранной валюте? Скорее всего, перемены произойдут. Они уже не могут не произойти. Мировая экономика требует от России незамедлительных решений. Вопрос не в кризисе финансовых рынков, о которых сегодня так модно говорить. Вопрос в изменении государственного подхода к управлению экономикой. Скажем смелее. Правительству необходима реформа собственных взглядов на управление экономикой, а не следование в фарватере сторонних решений и наблюдений.

Обратимся к той же инфляции на товарных рынках. Меры, предложенные правительством, как оказалось, к началу 2008 г. были не совсем адекватны, более того, полноценного решения по регулированию розничных рынков принять так и не получилось. Соответственно, результаты по борьбе с инфляцией обнадеживающими не были, что в очередной раз вынудило президента взять ответственность на себя, назвав инфляцию «системной проблемой». Но что стоило предвидеть «системную проблему» раньше? Глобальный рынок сельхозпродукции начал расти в отдельных сегментах еще в 2006 г. То же правительство Украины, раздираемое политическими противоречиями, пыталось воспрепятствовать вывозу зерна из страны. Российское же правительство этого не сделало. Напрашивается фраза из известного советского мультфильма: «...Вы должны были надеяться». Получается, что надежда, помимо финансовых инструментов, — один из немногих механизмов борьбы с инфляцией.

Вернемся к перспективам новых подходов к управлению российской экономикой. Хочется думать, что российская наука работает не в пустоту и что многие ценные наблюдения, про-

гнозы, проекты, программы, а главное — предложенные механизмы по комплексному развитию экономики будут использованы российской властью. Сегодняшнее правительство вряд ли будет влезать в столь масштабный проект перед неминуемой отставкой. Скорее всего, новые пути российской экономики будет прокладывать уже следующее правительство при новом президенте. Будем надеяться, что новые люди привнесут с собой новые подходы.

В принципе, избирательные кампании и связанные с ними риски и прорывы — ситуация, типичная для любой демократии. В любом случае, подразумевается наличие некоего политического цикла, время раздачи обещаний и популизма. Политические риски при этом связаны не столько с практически неизбежным в таких условиях ростом цен, сколько в непродуманных попытках «кавалерийским наскоком» решить эти проблемы с использованием чисто административных рычагов, прямого государственного регулирования. Склонность к подобным методам демонстрирует не только новый глава правительства (фигура временная, потому не принимаемая в расчет в качестве стратегического фактора), но и стремительно проникающийся популистскими настроениями новоизбранный депутатский корпус. Между тем введение чрезвычайных мер в конкретных секторах может привести к тому, что системы, в которых отсутствует запас прочности, могут не выдержать. Попытки вернуть госрегулирование могут увеличить риски для экономики. Пока их удастся остановить, но если власть в преддверии выборов решит остановить рост цен таким путем, это может привести к непредсказуемым последствиям.

Промышленная политика

Самым большим разочарованием года можно считать несостоявшиеся надежды на решительный поворот, объявленный, пожалуй, впервые за последние 15 лет, — к комплексной промышленной политике.

Отечественные эксперты неоднократно указывали на то, что России, чтобы вернуться в глобальную экономику в качестве игрока, в заметной степени формирующего хозяйственную парадигму, необходима «политика сверхиндустриализации». Одной из главных ее составляющих является «стимулирование все более активного включения в хозяйственную деятельность финансово сильных отраслей крупных инновационных центров, способных конкурировать с ведущими мировыми корпорациями». В условиях сохраняющейся (и даже усугубляющейся) сырьевой ориентации российской экономики решить эти задачи невозможно, отсюда потребность в новой промышленной политике.

Контуры такой политики были намечены Владимиром Путиным в самом начале года в ходе встречи с представителями Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП). Президент дал понять, что на данный момент «сформированы возможности для того, чтобы предпринять согласованные действия по более рачительному использованию природных богатств страны, переориентируя экономику на инновационный путь развития». Президент призвал бизнес обратить внимание на модернизацию промышленности, инфраструктурные проекты, а также предложенные государством финансовые институты развития.

В ходе состоявшегося в Волгограде заседания Госсовета, посвященного промышленной политике, президент поставил глобальную задачу перехода развития российской промышленности на современную модель, интегрированную в межрегиональные и глобальные кооперационные связи.

Одновременно получила расшифровку фраза президента о сформировавшихся условиях для изменения парадигмы экономического развития, воспользоваться которыми он призывал ранее собеседников из РСПП. Речь идет о комплексе мер, включающем нормативно-правовое обеспечение (разработать и принять Федеральный закон «О государственном прогнозировании и социально-экономическом развитии Российской Федерации», сформировать нормативную правовую базу для заключения инвестиционных соглашений между органами исполнительной власти РФ и коммерческими организациями по реализации

инвестиционных проектов в отдельных отраслях промышленности, предусматривающих предоставление различных форм государственной поддержки), меры стимулирования (субсидирование процентных ставок по кредитам, предоставляемым на расширение выпуска высокотехнологичной продукции, другие меры, направленные на увеличение объемов экспорта промышленной продукции), организационно-техническое содействие (вопросы оформления земель, получения разрешений и согласований, в том числе на использование энергетических сетей и коммунальной инфраструктуры). Были намечены контуры «системы институтов развития: Банк Развития, Россельхозбанк, Росагролизинг, Инвестиционный фонд, Венчурный фонд», которые будут задействованы в работе по развитию приоритетных секторов российской экономики.

Дальнейшее развитие планы промышленной политики получили в статусе государственных корпораций. На январь 2008 г. их создано уже много: самолетостроительная корпорация, судостроительная корпорация, корпорация «Олимпстрой», Российская корпорация развития, Атомпром, Ростехнологии и т. п. Как уже неоднократно упоминалось, капитализация этих институтов уже доведена до колоссальных величин. Отметим, они лишены и традиционных проблем бюджетного процесса: деньги на их счетах не «сгорают», а переходят на следующий год.

Несмотря на все усилия и помощь со стороны государства, рывка госкорпораций в промышленной политике не произошло. Сроки разработки новых самолетов затягиваются, остальные корпорации оперируют пока лишь проектами, т. к. объективно не располагают мощностями для возведения новых объектов и по сути представляют собой управляющие компании. Новый вызов ждет промполитику с разрешением правительства для госкорпораций приобретать государственные сберегательные облигации. Таким образом, госкорпорации окончательно рискуют перейти в режим управляющих компаний с колоссальным инвестиционным потенциалом. Есть в этом только один негативный момент: промышленная политика, как видно, умерла, так и не родившись. Госкорпорации, как оказалось, не имеют необходимого управленческого потенциала, а с новым реше-

нием правительства появляется возможность и вовсе гонять деньги «по кругу» от государства к госкорпорации бесконечно, т. к. бюджетных ограничений здесь уже нет.

В итоге — снова печальный вывод. Доктрина стерилизации денежных средств Минфина победила и здесь. Казалось бы, благое начинание. Можно сказать, вполне обдуманная попытка создать точки роста в промышленном секторе. Но то ли сектора выделили не те, то ли снова увлеклись финансовым регулированием, а о реальных проблемах отраслей почему-то забыли. Да, можно возражать высказанной позиции тем, что прошло еще мало времени для раскрутки масштабных проектов в промышленном секторе. Но ведь кроме проектной, работы никакой пока не видно...

Впрочем, у экспертов с самого начала зародилось подозрение в электоральной подоплеке озвученных планов. Действительно, куда приятнее и престижнее акцентировать в ходе избирательной кампании тему прорыва России в высокотехнологические сферы, чем говорить о торговле нефтью и газом, выслушивая в ответ вполне обоснованную критику по поводу проедания невозполнимых природных богатств и деградации промышленного потенциала страны. Стоит учитывать и то обстоятельство, что электоральный потенциал Национальных проектов, на которых делалась ставка в последние годы, по общим оценкам, в значительной мере исчерпан, поэтому требуется новый, привлекательный мобилизационный проект. Очевидно, повлиял на ситуацию и достаточно ясно обозначившийся во внутриполитической жизни страны «левый» тренд в общественно-политических настроениях.

Идея промышленной модернизации вполне отвечает всем этим запросам и ожиданиям. Превратится ли эта идея из предвыборных обещаний в реальные планы после марта 2008 г. — покажет время. Для этого необходима кардинальная перестройка не только взглядов, но и образа действий правительства. На сегодняшний день подобная перспектива вполне реальна. В. Путин, озвучивая новые подходы к экономическим проблемам и проблемам социальной политики, показал готовность к поиску новых вариантов и сценариев развития страны. Другое дело, что и внешние силы не остаются в стороне, прово-

цируя, подталкивая, надавливая России на «больные мозоли» в отношениях с ближайшими соседями. В итоге новый выбор снова вырастает в проблему политической воли: хватит ли сил отказаться от привычных догм и обратиться к новым идеям, хотя никто не гарантирует, что и они приведут к желаемому результату в ближайшее время. Слишком сложно, особенно сегодня, в период прогрессирующей рецессии, отличить реальные экономические процессы на мировых рынках от «провокаций», закладываемых с целью уберечь рынки от еще большего падения за счет ресурсов других.

Между тем, по итогам 2007 г., не обошлось и без скандальных событий, некоторые из которых можно назвать уникальными для современной российской экономической истории. Одним из них стала громкая отставка президента Сбербанка России Андрея Казьмина, преемником которого стал экс-глава Минэкономразвития Герман Греф. «Рокировка» не только оказалась неожиданностью для делового сообщества, но и стала большой потерей для российской банковской системы. Мнение экспертов и участников рынка единодушно: «Это чисто политическое решение, которое не имеет никакого отношения к банковскому сектору». В итоге около 30 топ-менеджеров из центрального офиса Сбербанка подали заявления об уходе и в январе-феврале 2008 г. покинут его. Среди них зампреды правления, руководители ведущих управлений и их заместители. Сообщается, что в начале 2008 г. из Сбербанка собирается уйти гораздо больше сотрудников, однако из Администрации президента поступило указание делать это постепенно, в течение года, чтобы не обвалить котировки банка. В очередной раз проявила себя российская специфика доведения политических интриг и догматики над оптимизацией собственно решения задач экономического развития. Можно ли рассчитывать в таком контексте на успех даже таких назревших начинаний, как декларируемая промышленная политика? Вопрос почти риторический...

Уважаемые читатели!

Аналитический бюллетень «Российские политические практики» извещает вас об изменении в режиме распространения издания. Редакция бюллетеня «Российские политические практики» переходит на электронный режим распространения через сеть Internet. Новые выпуски и полный архив бюллетеня будут размещены в свободном доступе на сайте Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования www.rusrand.ru в формате pdf.

Мнения и доступность для наших читателей для нас по-прежнему важны. В случае необходимости возможно получение очередных номеров бюллетеня по электронной почте. Для этого необходимо направить заявку по e-mail: frpc@sea.ru в свободной форме, подписаться на сайте www.rusrand.ru или сделать заказ непосредственно в Центре проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования.

Мы благодарим наших читателей за интерес, проявленный к изданию, и надеемся на продолжение творческого сотрудничества с прежней интенсивностью уже в новом формате. Электронный доступ к номерам «Российских политических практик» по-прежнему остается свободным для наших читателей.

С надеждой на дальнейшее сотрудничество,

Редакция аналитического бюллетеня «Российские политические практики»

Российские политические практики
Ежемесячный аналитический бюллетень
Выпуск № 10 (20)
(декабрь 2007 г. — январь 2008 г.)

Сдано в набор 30.01.2008 г.
Подписано в печать 01.02.2008 г.
Формат 60 × 90 1/16. Печ. л. 5.
Отпечатано в ООО «Типография Парадиз»
Тираж 500 экз. Заказ № 1337.